

Велимир Хлебников

No 7 (39)

2012

OTOB

Рисунок Константина Кедрова

ДОСТОЕВСКИЙ

ДООС — добровольное общество охраны стрекоз

Памятник Достоевскому в Москве на
Воздвиженке. Скульптор А. Рукавишников

Дом в Куманинском подворье в Москве на Большой Ордынке, куда подросток Федор Достоевский приходил к своей тетушке, стал в романе «Идиот» прообразом дома Рогожина: «Он знал, что Рогожин с матерью и братом занимает весь второй этаж этого скучного дома. Отворивший князю человек провел его без доклада и вел долго; проходили они и одну парадную залу, которой стены были “под мрамор”, со штучным дубовым полом и с мебелью двадцатых годов, грубою и тяжеловесною, проходили и какие-то маленькие клетушки, делая крючки и зигзаги, поднимаясь на две, на три ступени и на столько же спускаясь вниз, и наконец, постучались в одну дверь...» Далее князь Мышкин говорит Рогожину: «Твой дом имеет физиономию всего вашего семейства и всей вашей рогожинской жизни...» Несмотря на то, что дом с тех пор основательно изменился, все равно заметен разный уровень второго этажа в разных частях дома (см. снимок). В квартире над аркой сохранились те самые ступени. И вот что странно: во дворе дома поставлен памятник Анне Ахматовой, которая, приезжая в Москву, жила здесь у друзей; на стене дома посвященная ей мемориальная доска, а о Достоевском ни слова! ДООСы решили исправить историческую несправедливость и открыть виртуальную мемориальную доску памяти всемирно известного писателя на доме с рогожинской физиономией.

Маргарита Аль и Константин Кедров открывают виртуальную мемориальную доску. Идея Елены Кацюбы. Изготовил доску и запечатлел событие Андрей Врядий.

ЙиКсвеОТсОД и ДОСтоевский

2-3-4

Константин Кедров

5

Юрий Любимов, Виктор Ахломов

6

Галина Мальцева

7

Елена Кацуба

8-9-10

Евгений Евтушенко,
Алина Витухновская

11

Александр Моцар,
Кира Сангир,
Сергей Бирюков

12

Кишиотоф Занусси,
Эжен Ионеско

13

Ян Пробиштейн,
Андрей Врэдий

14-15

Вадим Рабинович

16

Владимир Аристов,
Маргарита Аль

17

Александр Раткевич,
Сергей Данюшин

18-19

Александр Федулов,
Кристина Зейтунян-Белоус

20-21

Федор Достоевский,
Ольга Панюшкина

22

Александр Городницкий,
Семен Краснов

23-24-25-26

Валентин Никитин

27

Денис Безносков,
Фридрих Ницше,
Сергей Рыбалкин

28

Капитан Лебядкин,
Дмитрий Шостакович,
Анатолий Кудрявицкий

29

Ольга Ильницкая

30-31-32

Юрий Беликов,
Сергей Черемных

33

Кирилл Ковальджи

34-35-36

Александр Матвеевич,
Борис Колымагин,
Иван Бунин

37

Салават Кадыров

38

Ольга Адрова,
Игорь Балюк

39-40-41-42

Валерий Байдин

43

Аглая Соловьева,
Павел Пушкарев,
Алексей Крученых

44-45-46-47

Петр Ильинский,
Вирджиния Вульф

48-49

Андрей Цуканов,
Людмила Вязмитинова

50-51-52-53

Алексей Малащенко

54-55

Всеволод Власкин,
Татьяна Бонч-Осмоловская,
Константин Кедров,
Елена Кацуба,
Татьяна Зоммер

Мистерия Воскресения

*Достоевский – русский спор:
все на свете и топор.*

Он не скрывал своей высшей цели, когда утверждал, что видит в христианстве «восстановления погибшего человека». Но чтобы воскреснуть – восстановиться, надо умереть. С Достоевским это произошло во время казни «расстрелянием». Вывели на площадь, зачитали приговор, надели балахон на голову, а потом помиловали.

Следует четко осознать диаметрально противоположную семантику понятий «бессмертие» и «воскресение». Бессмертный не умирает, воскресающий должен обязательно умереть. Переживание смерти в ранних мистериях христиан было настолько сильным, что в истории известны случаи, когда участники, изображавшие Христа, будучи привязанными к кресту, погибали в течение нескольких минут. Но это, несомненно, были неопытные и неталантливые актеры.

Что же обретал человек в момент катарсиса после мнимой смерти? Теперь вся жизнь воспринималась как неожиданный дар.

Притча о Лазаре есть сокровенная тайна, связующая Раскольникова и Соню: «Где тут про Лазаря? – спросил он вдруг. – Про воскресение Лазаря где? Отыщи мне, Соня». Ведь он мыслит себя погибшим и не воскресшим Лазарем («Я себя убил, а не старушонку»). С тех пор Раскольников пребывает в своей камере, похожей на гроб, а когда об этом же говорит мать Родиона Романовича, он восклицает, что она не подозревает, какую великую истину сейчас сказала. Соня читает о воскрешении Лазаря, а мысли ее о Раскольнике: «И он, он – тоже ослепленный и неверующий, – он тоже уверует, да, да! Сейчас же, теперь же», – мечталось ей, и она дрожала от радостного ожидания».

У Достоевского мистерия оканчивается классическим финалом: блудница становится вечной невестой, спасающей грешного жениха, а с ним и весь мир.

Отношения Настасьи Филипповны и князя Мышкина, Раскольникова и Сони, Грушеньки и Алеши полностью умещаются в этот мистериальный сюжет. В поезде, еще только взглянув на портрет Настасьи Филипповны, князь Мышкин полюбил ее за

красоту, которой по его словам «мир спасется». На что один из присутствующих замечает: «...князь утверждает, что мир спасет красота! А я утверждаю, что у него оттого такие игривые мысли, что он теперь влюблен». И ошибается. Если Мышкин и влюблен по-мужски, то не в Настасью Филипповну, а в Аглаю. С Настасьей Филипповной отношения мистериальные.

В Евангелии Мария-мироносица стоит у распятия Христа, помещенного между двумя разбойниками, а в «Идиоте» над телом убитой грешницы сидят «Христос» – Мышкин и «разбойник» – Рогожин.

Последовав за Христом, мироносица выливает на него сосуд с чистым народным миром и оттирает его ноги своими волосами. Это непонятное непосвященным действие вызывает ропот среди учеников: не лучше ли было продать это миро за триста динариев и отдать деньги нищим? Ответ понятен лишь тем, кто посвящен в тайну мистериального обряда. Тем самым, объясняет мистериальный жених, она приготвила его к смерти и погребению.

На вопрос, почему не постятся апостолы, следует ответ: «Могут ли печалиться сыны чертога брачного, если с ними жених?» Брак в Канне Галилейской не бытовая свадьба, а свадьба-погребение, предвещающая воскресение жениха. В ритуал этой свадьбы входило превращение воды в вино – один из древнейших символов воскресения. Вино – кровь Диониса, воскресающего в виноградной лозе. В глубинных истоках этого обряда ощутимо реальное природное таинство превращения дождевой воды в виноградные гроздья, дающие вино. Жених – сам Христос, сыны чертога брачного – апостолы.

Таким образом, становится понятно, почему традиция требовала чтения над умершим главы «Канна Галилейская». Этот брак является тайным предвестником воскресения. Не удивительно, что Алеша, задремавший во время чтения над гробом Зосимы, видит его воскресение. Стены кельи раздвинулись, все сидят за брачным столом, архитриклин в белых одеждах разливает вино новой жизни. Понятен Алеше иносказательный смысл: не вливают вино новое в мехи старые. Должно произой-

«Да знаете ли, знаете ли вы, что без англичанина еще можно прожить человечеству, без Германии можно, без русского человека слишком возможно, без науки можно, без хлеба можно, без одной только красоты невозможно, ибо совсем нечего будет делать на свете! Вся тайна тут, вся история тут! Сама наука не простоят минуты без красоты...»

Достоевский FM «Бесы»

ти полное обновление человека. «Ветхий Адам» считался умершим, «новый Адам» – обновленным, воскресшим. Воскрешенный Алеша уходит, по завету Зосимы, из монастыря в мир. Воскресение выходит за круг времени, ибо это то состояние мира, о котором князь Мышкин говорит, вспоминая слова из Апокалипсиса: «И голос был, что времени больше не будет». Это можно понимать двояко: конец света – как это воспринимали ранние христиане и безуспешно его ждали; было и другое понимание конца времени – время исчезает потому, что «для Бога один день как тысяча лет и тысяча лет как один день». В ограниченных рамках собственной жизни человек воспринимает все время и все пространство создавшего его мироздания. При таком подходе природный порядок времени сохраняется, изменяется лишь восприятие его.

Само воскресение оказывается не в прошлом, а в настоящем времени.

Достоевский – до ста Ев

*«...Нехлюдов давал ей Достоевского...»
Л.Толстой «Воскресение»*

Достоевский стоит на панели
с проституткой по имени Нелли:
– Проститутка по имени Нелли,
для чего ты стоишь на панели?

Граф Толстой веселится в халате
с проституткой по имени Катя.
Катя с графом в середине халата.
– Виновата, – кричит, – виновата!

Вот Некрасов лежит на диване
С проституткой по имени Маня.
– Жертва ты социальных условий
и улада дворянских сословий.

Проститутка по имени Настя
содрогается от сладострастья,
то с купцом переспит, то с Иисусом.
с Иисусом – с особенным вкусом.

Спит, все заповеди наруша,
проститутка по имени Груша.
Ей по горлышко вставили, вмазали
сладострастники Карамазовы.

Динамистка по имени Соня
обслужила читателей сонмы,
не досталась лишь Роде-бандиту –
он топор предпочел динамиту.

Проститутки, путаны и гейши,
Вы готовы любить нас нежнейше.
Почему же, скажите, злодейки,
Вы нас любите только за деньги?

И икс в е отсюда Достоевский

Идиот – Что – Иди
Мышкин сникшим
я наг Ганя
мил Аглае а лгал им
беда в себе свадеб
то коридора народ и рокот
Рогожин и жог ор

во замаран как Карамазов
а шел Алеша –
лад и Зосима там и созидал.

но Сони кино сон
он о Лазаре вера лоно
но и до раба жаба Родион
ни их муза Разумихин
а топорам яма ропота
во к я дрем Смердяков

у кармы се были милы бесы мраку

Константин Кедров
на московской станции
метро «Достоевская».

ЧУЖИЕ ГРЕХИ

Юрий Любимов:
«Когда меня спрашивают сейчас,
чем вы хотите заинтересовать
зрителя, могу ответить только одно:
Достоевским».

Фото **Виктора Ахломова** (ДООС – линзазавр)

«Он в то время вздыхал по пятой дочке генерала, и ему, кажется, отвечали взаимностью. Но Амалию все-таки выдали, когда пришло время, за одного старого заводчика немца, старого товарища старому генералу. Андрей Антонович не очень плакал, а склеил из бумаги театр. Поднимался занавес, выходили актеры, делали жесты руками; в ложах сидела публика, оркестр по машинке водил смычками по скрипкам, капельмейстер махал палочкой, а в партере кавалеры и офицеры хлопали в ладоши. Все было сделано из бумаги, все выдуманно и сработано самим фон-Лембке; он просидел над театром полгода. Генерал устроил нарочно интимный вечерок, театр вынесли на показ, все пять генеральских дочек с новобрачною Амалией, ее заводчик и многие барышни и барыни со своими немцами внимательно рассматривали и хвалили театр; затем танцевали. Лембке был очень доволен и скоро утешился».

Достоевский FM «Бесы»

Галина Мальцева

ДООС – стреказелла

Рисунки **Галины Мальцевой**
из серии «Облака».

Веточка Незванова

(Посвящается ДООстоевскому)

- Вы меня не любите!
 - Нет, любим.
 - Нет!
 - Просто хотим пожить для себя.
 - Куда вы дели мою кровать? Вместо нее стоит скутер моего брата?
 - В подъезде его не оставишь.
 - А меня можно?
 - Кровать сложили. Иди к дедушке с бабушкой.
 - Там комната, кухня, мебель, цветы и муха.
 - Иди к своему другу.
 - Там негде! У него – мама, брат, живопись и муха.
 - Когда-то мы жили в шалаше. Если любовь. Все так жили. Чебурашка в телефонной будке жил.
 - Сейчас нет будок.
 - Это твои проблемы. У нас тоже свои есть: купить новую кухню, дачу до кондиции. Содержать машину и мотоцикл тоже чего-то стоит... К твоему сведению.
- И пошли они жить в бомбоубежище, которое было во дворе его дома. Когда началась война, родителей они не пустили. Все было занято запасами воды, тушенкой, макаронами и мухой.

Галина Мальцева
и Елена Кацуба на
московской станции
метро «Достоевская».

Елена Кацюба

ДООС – libellula

Каждый великий писатель рано или поздно становится персонажем в произведениях других писателей. И те с ним поступают не менее вольно, чем он сам со своими героями. Вот, например, потомок русских эмигрантов французский писатель Владимир Волкофф. Он предположил, что если весь мир сотворен по образу и подобию Божьему, то выходит, что земные спецслужбы имеют свой прообраз на небесах. Но ангельское воинство весьма ограничено в своих возможностях и не имеет права нарушать инструкции. В книге «Ангельские хроники» даются три варианта жизни Достоевского: в первом писателя все-таки расстреляли, в третьем все идет, как и было, а во втором Федора Михайловича приглашает к себе царь, беседует и дает секретное задание: все узнать и доложить. Достоевский целует руку царю и отправляется в разведку. А позади них ангелы-хранители поздравляют друг друга, и история России идет по-другому – без войн, революций и

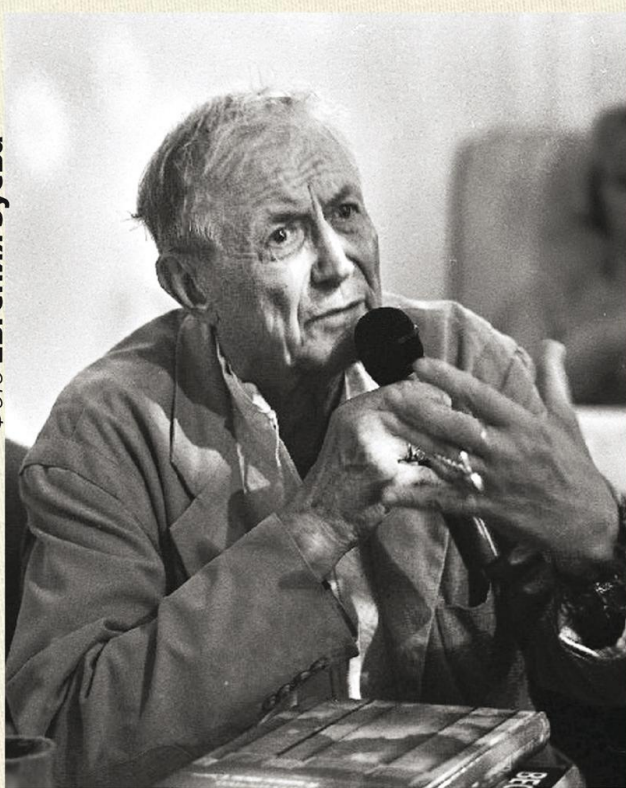
ДО КТО
ЭТО
ЭТО
ИГР
ДОСТОЕВСКИЙ?

социализма. Может, это и по-ангельски, но не по-человечьи. Не поцеловал бы Достоевский руку царю. Вот деньги, правда, потом взял. И свою вселенную создал, где грешник-материалист, прошагавший по любезной ему вечности-бесконечности миллиард лет, взмолился, чтобы его убрали «из этой скучищи» хоть в ад, хоть в рай. А варианты жизни Достоевского – это вполне в его духе. У него персонажи все время выбирают: любить – не любить, убить – не убить, ехать – не ехать, играть – не играть... Хотя последнее явно не отсюда. Играть!!!

ропоТ

Где Питер пасет подворотни
арки акают навстречу
эхом охают за спиной
мемориальные доски бормочут:
– здесь родился
– сюда приходил
– тут рос
Рос-рос и попрос-таки,
придумал преступление
и наказанный на всю жизнь,
смотрит сквозь рогожу мешка
на солнце – усмешку Рогожина
Костры из денег по всему городу
мечется комиссар Ганя с наганом
да некому лезть в огонь
Дрожат от воя бомб
статуи в мешках и досках
Нет доступа
в каморку Раскольников
она опечатана времени сургучом
Какого черта

какого беса
родила с того света
сестра Лизавета
какого Смердякова?
Не ходи по той стороне
она при обстреле опасна особенно
там по воскресеньям гуляет Соня
с ребеночком на руках
– Подайте денежек
на бедных деточек
прокатите на саночках
Алешеньку, Ванечку,
Грушеньку, Митеньку
Ихняя матушка Настасья Филипповна
среди каменных львов своего ищет –
который тут Мышкин?
Ан нету!
Его пока еще пишет
во Флоренции Достоевский
под доской мнимо реальной
– Эй, Рогожин, готовь сани
рванем через Альпы al Italia
снежной пылью накроем Европу!
...ропоТ – ропоТ – ропоТ...

Евгений Евтушенко

Нефильтрованный Достоевский

Интервью с Евгением Евтушенко, которое документалист, арт-критик Нина Зарецкая (ДООС) взяла год назад на даче поэта в Переделкино, включало и размышления о Достоевском. И так получилось, что сегодняшний выпуск «Журнала ПОэтов», посвященный Достоевскому, совпал с 80-летием великого лирика и великого гражданина. Круг замкнулся. ДООСы горячо поздравляют поэта с замечательным юбилеем!

Я буду говорить о Достоевском. И вообще о братьях Карамазовых. Дело в том, что сам Достоевский, с моей точки зрения, он – полное собрание героев Достоевского. В нем, несмотря на то, что он такой великий писатель, в нем даже есть Смердяков немножко. Особенно если взять его дневники. Вот что делают, например, шовинисты – как они используют Достоевского. Они в основном основываются на каких-то его высказываниях в дневниках. Но заметьте, там есть неприятные вещи, в его дневниках. Уж если говорить по совести, националистические, и даже можно их трактовать как антисемитские. Это можно трактовать так. Но заметьте, что это все только в дневниках. Ни в одном художественном произведении нет ничего шовинистского, ничего националистического. Ничего ксенофобского совершенно.

Что такое дневник? Это то же самое, что наше сознание. Не правда ли? Которое еще

не фильтрованное сознание, не пропущенное через совесть. Иногда ведь каждому из нас, и вам, и мне, и вообще всем на свете, самым лучшим людям приходят какие-то совершенно дикие мысли просто. Дикие, неприятные какие-то, ну как будто микробы какие-то в нас проникают, и вот мы как-то хотим это с себя стряхнуть, боремся с этим. И вот это было у него тоже. Вот это что такое.

Там нефильтрованный Достоевский. Это так же, как у всех нас, есть, какие-то тараканы, бывает, ползают в головах даже у самых, так сказать, хороших людей, знаете, какие-то мысли дикие появляются. Даже боишься их иногда, вот. И стремишься от них избавиться. Вот так он, может быть, и высказывался даже по этому поводу, стараясь как-то записать их, а потом как-то оценить. Ни в одном художественном произведении его нет ничего ксенофобского, человеконенавистнического, так сказать, и так далее. Ничего. Гений. Он был гений. Он держал все человечество в руках. Вот многогранность – это другое. Многогранность всего. Не случайно он сам же об этом сказал, что широк русский человек, неплохо бы его сузить. Заметьте, и это о себе тоже он говорил.

Вообще, что такое жизнь? Даже Пастернак говорил, описывая судьбу художника: «С кем протекли его боренья? С самим собой, с самим собой...» Поэтому жизнь каждого человека – это поле боя. Поле боя зла и добра. В собственной душе. Вот в чем все дело. И просто побеждает тот человек, выходит с достоинством из этой борьбы, который побеждает зло, которое коренится и в нем тоже. Побеждает. Здесь вопрос: каких ингредиентов? У него была, ну, капелька Смердякова, у него была, понимаете? Скажем так, чуть-чуть. И он его боялся. И не любил. И боролся с этим всю жизнь.

Но в нем был и Алеша Карамазов. Вот и потом, вы посмотрите, как его неправильно понимали. Вот он написал книгу «Бесы». Если бы книгу «Бесы» наши революционеры прочли как предупреждение им, то тогда у нас не было бы 37-го года. А посмотрите, они не поняли. Они подумали, что это против революции там, против них самих, и так далее, назвали эту книгу реакционной.

Вы знаете, я выступал в Латинской Америке, ну, в общем, там превалирует очень левая интеллигенция, сильно левая, как Габриель Гарсия Маркес. И он даже не просто левый, а иногда ультралевую занимает позицию. И вот однажды мне задали вопрос в присутствии

вот такой компании. Большой зал набит был битком. Какая, как вы думаете, камарадо Евтушенко, книга должна быть настольной книгой каждого революционера? Я сказал: «Бесы». И тогда раздался такой гул. Гул, так сказать, ну как-то и возмущение, и ошеломление. Уж этого никто не ожидал. Я не назвал ни Ленина, ни Маркса там, ни Троцкого. Они очень любят Троцкого. И в это время выскочил один профессор философии. Один замечательный человек совершенно. И сказал: вы слушайте, что говорит этот молодой русский. Вот сейчас он, может быть, сам не догадывается, что его устами говорит истина!

От редактора.

Замечательное светлое интервью Евгения Евтушенко ставит очень важные точки над i. Я бы только добавил к его высказываниям о Достоевском еще один нюанс. Мы часто забываем, что гениальный писатель, переживший казнь «расстрелянием» с балахоном на голове, а затем и каторгу, был под полицейским надзором и регулярно должен был являться в полицию, вот, мол, я никуда не убегаю. Потому многие его ура-патриотические, имперские, монархические высказывания далеко не всегда и далеко не во всем были искренними. Писатель был вынужден всю жизнь доказывать свою лояльность своим высшим надзирателям – Победоносцеву и царю. Не надо лицемерно делать вид, что Достоевский был свободен в самовыражении.

Евгений Евтушенко: «...уж раз в империю попали, то надо выбраться оттуль!»
Встреча в Клубе Константина Кедрова и ДООС в кафе «Сити» на Сивцевом Вражке.
2 августа 2008 г.
<http://video.mail.ru/mail/jurnalpoet/9/747.html>

Алина Витухновская
друг ДООСа

Раскольников

...
«Антитеррор» –
Говорят полковники.
«Антитеатр» –
Говорят поклонники.
«Антитопор» –
Говорит Раскольников.

То порно, то порно, топорно, топорно.
Раскольников – это топорно, прикольно.

А может, Россия в тотальном расколе?
Доколе?!

...
Русская сказка в безумстве упорная.
Каша солдатская, тоже топорная.

Что же, теперь
Топоры в рассольнике?
Вы же не зверь,
Господин Раскольников!

Всё – гринуэвская депрессия.
Повар-вор, его жена и её топорик.
Бродите по FM-волнам,
Бредите инициалами Достоевского,
Радио-воин.

...
Видение Зигфрида
Вместо чувства стыда!
Фрейдовское либидо
Подавлено навсегда.

...
Раскольников в порно-сайте
Сложен, как Жан Поль Сартр,
Помноженный на Де Сада.
Добро пожаловать в ад!

Ад – это где-то рядом,
Это Родина-Мать.
Каждый из нас как дьявол.
Знание наше – тьма.

Ад – не дно Атлантиды.
Ад всегда на виду.
Мы конвойные гниды.
Нас раздавят в аду.

Смотрите, это не похоть,
Не страсть поиметь старух.
Опыт, в котором плохо,
Погибающий дух.

Зови это порно-трешем.
По сути это страшней.
Старость пугает женщин.
...Со стороны видней...

Говорил Раскольников
То ли богу,
То ли какому-то дурачку:
«Меня не трогай,
Я знаю, о чем толку...

Тоску ли русскую,
Истинку ль бестолковую
Коряво чувствую,
Вытанцовываю.

Заратустрою,
Русской кровью
Пусто мне
Со своей любовью.

Весь мир – тюрьматрица.
Вокруг мокрицы.
Пора топоратливаться.
Топор, как принцип.

Чей череп в панцире?
Удар мой точен.
Смерть – ампутация
Одиночества.

Меня глючило,
Когда по e-mail'у читал:
«Чик-Атило –
Лишь Кич Отелло.
А кич достал.

...
«Пришлю порно», –
Писала школьница, –
«Хочу топор твой,
Раскольников!

Руби мне голову!
Ай лов гибельное.
Меня голую
Любой выберет

Да убьет не любой,
Убьет единственный.

«Не молкнет в сердце боль никак,
кует к звену звено.
Вот так,

убив,
Раскольников
пришел звенеть в звонок».

Владимир Маяковский «Про это»

Смерть, как любовь,
Только искренней...»

...
Убило девочку
Ничто в упор.
Купила Евочка
Себе топор.

...
Действие, цель которого,
Главный его итог –
Подлинная история,
Убитый Героем бог.

Это тоньше всех смыслов,
Спутавших тьму клубком.
Это больше убийства –
Смерть Другого в Другом.

...
«Бог умер» – Ницше коснулся сути скользко так.
Он чуял тайного ритуала энергию гибели.
Бога убил русский мужик – Раскольников.
Об этом молчал нареченный Фридрихом.

...
Закаты адские,
Который год.
Он гнил на каторге.
Бурлил народ.

Вернулся с каторги
Агитатором.
Он достал топор.
Народ встал за ним.

...
Народ к топору! Ура, Раскольников!
«Народ к топору!» – орал разбойник, он.
«Народ к топору!» – призывает пророк.
Пророк. То-порок. Топорок....

Топорок...

2005

Кира Сапгир

оса ДООСа

Париж, Франция

1.

Преступление и наказание

(Роман-карлик)

Раскольников звонит в дверь.
Открывает старуха-процентщица.

Раскольников:

– А ну-ка, старуха, свари мне щи из топора!

2.

Микро-реклама дверного глазка

Раскольников звонит в дверь.
Старуха-процентщица смотрит в глазок и говорит.

– А не пушу!

«Пока Достоевский сидит в казино,
Раскольников глушит старух!..»

Михаил Светлов

Сергей Бирюков

доктор культурологии

ДООС – заузавр

Галле, Германия

Реконструкция

(вариационный метод)

О достоевскиймо

Велимир Хлебников

о достоевскиймо
о достоевский ло
о достоевский но
о достоевский ро
о достоевский со
о достоевский до!

о достоевский зо
о достоевский во
о достоевский то

о достоевский ре
о достоевский ми
о достоевский си
о достоевский соль!

о достоевский ты
о достоевский вы
о достоевский ды
о достоевский зы
о достоевский ры
о достоевский бы
о достоевский мы!

о достоевский э
о достоевский ю
о достоевский я!

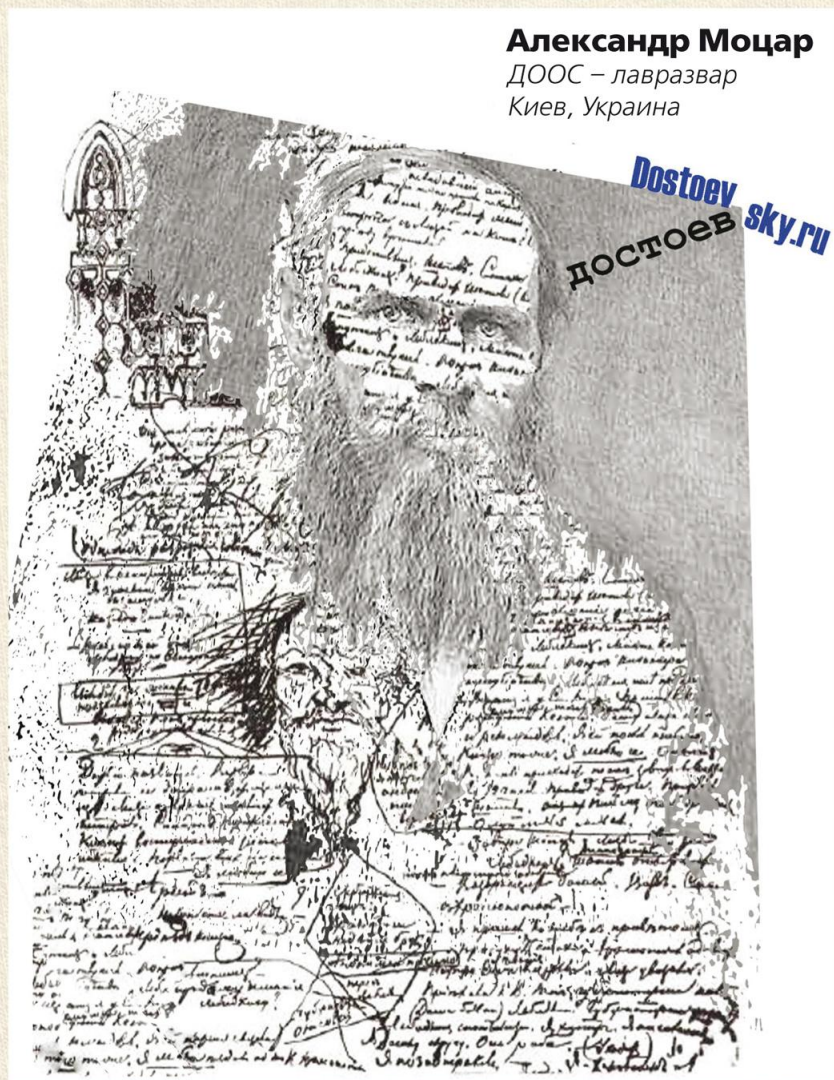
о достоевский хо
о достоевский че
о достоевский шо

о достоевский бо!

Александр Моцар

ДООС – лавразвар

Киев, Украина

Кшиштоф Занусси: «Гениальный Достоевский мне не близок».

Диалог после премьеры в театре на Таганке пьесы Эжена Ионеско «Король умирает» в постановке Кшиштофа Занусси. Беседовала Ольга Адрова.

– Вы снимаете интеллектуальное кино, являетесь лауреатом многих международных фестивалей, и в ваших фильмах (и спектаклях) постоянно звучит тема жажды идеала, поиска истины. Кто из русских писателей вам наиболее близок, и как вы, в частности, относитесь к Достоевскому?

– Я отношусь к Толстому и Достоевскому с большим уважением и Достоевского считаю гением мировой культуры, но он мне немного чужой, и это неслучайно. Мои корни западные, латинские. Я воспитан на Аристотеле.

– Значит, вы готовы это свое отношение, почему вам не близок Достоевский, обосновать?

– Да, конечно. Вы понимаете, дело в том, что отношение к идеалу на Западе и на Востоке разное. Римская, латинская культура считает, что идеал не то чтобы достижим, но, знаете, идеал на Западе немного ближе. На Востоке между идеалом и реальностью слишком большой разрыв. Восточное мышление предполагает, что идеал недостижим. Что же, оставить все, как есть?! Так, что ли? Он недостижим, но это не значит, что к нему не надо стремиться. Нет, мы так не думаем. И чего-то уже в западной цивилизации достигли. Например, победили голод. Победили многие болезни и так далее. Хотя, возможно, мудрость на вашей стороне, на стороне Востока: мир неизменяем, и так далее. Но на нашей стороне действие.

– Я как раз хорошо понимаю эту разницу. Она есть в литературе, она есть в отношении ко всему.

– Да. Эта разница даже в мелочах. Скажем, у меня дома есть моя семейная старая мебель, и мой отец и дед говорили, так же, как и я: «Это мое», – прекрасно при этом понимая, что они рано или поздно умрут, и это не «их» мебель. Это западное мышление.

– Это другое отношение к действительности.

– Да, это важно и всегда будет важно.

– А кроме Кафки и Борхеса, есть еще писатели, которые подействовали на вас так же сильно?

Эжен Ионеско:
– Достоевский, конечно.

(Беседы с Клодом Бонфуа)

Фото Елены Кацубы.

Константин Кедров:

– Когда вы делали спектакль об умирающем короле, вы думали о своем великом друге Кароле Войтыле – Папе Иоанне-Павле II?

Кшиштоф Занусси:

– Да, конечно, я думал о нем!

Ян Пробштейн

кандидат филологических наук
Нью-Йорк, США

Благодать

..как нам даётся благодать.

Тютчев

1.

Смирись, гордый человек!

Достоевский

Юродство или первородство
за чечевичную похлёбку
нам паче гордости – «Смирись!»
Зыбка граница, мысли топко,
и Богоизбранность и скотство,
совпасть или совознестись –
равно любезный идеал,
а из бесчисленных зеркал
ущербно скалится сиротство.

2.

не дай мне Бог сойти с ума.

Пушкин

Соборность или подзаборность,
совознестись или совпасть –
такая в этом благодать
и единения иллюзорность.
Широк в страстях Парфен Рогожин,
а Мышкин в мыслях был широк,
он возлюбил не жизнь, а суть,
ему иной сужден был путь:
быть всеотзывным трудно, Боже,
безумие всему итог.

У жизни – правда – всего много:
иным даётся благодать,
другой всю жизнь взыскует Бога,
чтоб дьявола в конце обнять.

3.

Совпасть или совознестись,
бескрыл ты или быстрокрыл –
оборотится бездной высь,
и в небо ты падешь без сил,
и твердь сомкнется над тобой,
и воцарится благодать,
когда другим будет сиять
свод безмятежно-голубой.

2004

Андрей Вradий

ДООС

ВЫБОР

(Работа, Магазин, Дом, Достоевский)

Работа или Дом?

Достоевский или Дом?

Магазин или Достоевский?

Достоевский или Работа?

Магазин или Работа?

Достоевский или...?

Фото Елены Кацюбы

«Сапожность процесса пугала меня. Впрочем, действительность и всегда отзывается сапогом, даже при самом ярком стремлении к идеалу, и я, конечно, это должен был знать; но все же я был другого типа человек; я был свободен в выборе, а они нет...»

Достоевский FM «Подросток»

Рулетка русская, а игроки — иногородцы из Рулетенбурга

*

Русская рулетка... Не денежная. Смертная — «у жизни на краю» — игра. Не на жизнь — на смерть.

О такой вот рулетке в мои литинститутские 60-е годы рассказал мне мой учитель Илья Львович Сельвинский, в мастер-классе которого я тогда учился.

Это было в начале 20-х. Трое молодых дураков: Сельвинский, Семён Кирсанов и третий (не запомнился мне) — на каком-то замоскворецком пустыре решили сыграть смерть на троих. И сыграли. У кого-то из них был револьвер системы наган (изобретённый одноимённым бельгийцем) образца 1895 года с вращающимся барабанным магазином на семь патронов и калибром 7.62 мм. (Почему-то все эти технические параметры остались в памяти, и вот уже лет 50 как в ней.) Что было дальше, догадаться нетрудно. Зарядили одним патроном, вложив его в одно из 7 гнезд, до того надёжно пустых. Крутанули. По жребию установили очередь: первым выпало Сельвинскому, второму — тому, кого не запомнил (не Маяковскому ли? Но точно всё равно не вспомню), а третьему — Кирсанову. Русская рулетка началась. Первый выстрел (все выстрелы условились производить в правый висок и самолично в свой) оказался выигрышным — пустым. Второй — тоже. Шансы уйти в смерть возрастали. Получив из рук второго револьвер системы наган образца 1895 года с вращающимся барабанным магазином о 7 гнездах и калибром 7.62 мм, очередник тут же его бросил наземь. «Не буду», — заявил он.

«После сего — рассказывал Илья Львович, — товарищи по рулетке долго и подробно били Сёмку Кирсанова. И перестали только тогда, когда проверили, чем бы закончился для Сёмки его несостоявшийся выстрел, если бы таковой состоялся. Выяснилось, что плачевно. Пожалели наперёд и бить перестали».

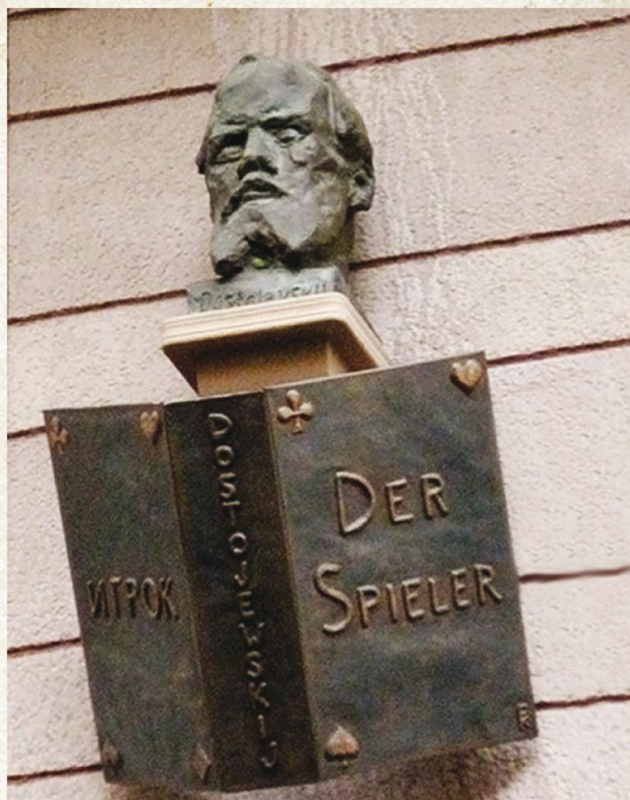
Вот какие они были дураки. Но третий, так сказать, по мере поступления поумнел, хотя и оказался большой скотиной.

Игра в смерть. С выбором не играть. И даже по ходу самой игры. Правда, ценою получить товарищеских пиздюлей. (Могут справедливо возразить: их не дают, а навешивают. Согласен... Простите.)

Но... игра на фоне случая, вероятность которого истаяла по ходу дела, но всё же оставалась, поскольку барабан был на 7 гнезд, а патрон всё-таки один...

«Блаженный ужас» (воспользуюсь оксюмороном Бл. Августина) с холодной испариной на челе каждого из играющих в виду смертельной пули с грохотом и дымком.

Кто же они: человеки играющие или игроки? Дети не-

Баден-Баден. Dostoevskij-Haus.
Мемориальная доска на балконе
квартиры, в которой Достоевский
написал роман «Игрок».

разумные или пытатели судьбы? Зато — бесшабашно, как случится, за здорово живёшь-умрёшь...

Vita mortua. Смертная жизнь игры...

Зато — рулетка русская...

*

Иногородцы-рулетенбуржцы... А жизнь мрачнит и раздражает. Злит... А игра длится. И откуда берётся вдохновение для игры творческой скрюченного игрой-к-смерти игрока Алексея Ивановича?

«В Париже и на Рейне, даже в Швейцарии, за табло-тами так много полячишек и им сочувствующих французи-ков, что нет возможности вымолвить, если вы только русский» (Алексей Иванович).

«Сволочь действительно играет очень грязно. Я даже не прочь от мысли, что тут, у стола, происходит много самого обыкновенного воровства... Вот ещё сволочь-то! Это большею частью французы» (он же).

«Де-Грие был, как все французы, то есть весёлый и любезный, когда это надо и выгодно, и нестерпимо скучный, когда быть весёлым и любезным переставала необходи-

мость. Француз редко натурально любезен; он любезен всегда как бы по приказу, из расчёта. Если, например, видит необходимость быть фантастичным, оригинальным, понеобыкновеннее, то фантазия его, самая глупая и неестественная, слагается из заранее принятых и давно уже опощлившихся форм.

Натуральный же француз состоит из самой мещанской, мелкой, обыденной положительности, — одним словом, скучнейшее существо в мире. По-моему, только новички и особенно русские барышни прельщаются французами. Всякому же порядочному существу тотчас же заметна и нестерпима эта казённая раз устоявшихся форм салонной любезности, развязности и весёлости» (ещё раз он же).

Не жизнь, а ужас какой-то! Бедные французы... Неужели из-за Де-Грие пустякового? Да, но не только. А «полячишек» тогда за что? А просто за то, что не наши. Искренне и от души. От чистого, так сказать, сердца. По правде и за дело. Без игры? — Посмотрим...

Вот что скажет Алексею Ивановичу на прощанье вполне приличный англичанин Астлей: «...вы погубили себя. Вы имели некоторые способности, живой характер и были человек не дурной; вы даже могли быть полезны вашему отечеству, которое так нуждается в людях, но вы останетесь здесь и ваша жизнь кончена. Я вас не виню. На мой взгляд, все русские таковы, или склонны быть таковыми. Если не рулетка, так другое, подобное ей. Исключения слишком

редки. Не первый вы не понимаете, что такое труд (я не о народе нашем говорю).

Рулетка — это игра по преимуществу русская»

Вот, оказывается, как. Оба хороши. Только Астлей поумней: «Я не о народе нашем...» И что же в ответ на сие подумал наш русский? А подумал он вот что: «Нет, он не прав! Если я был резок и глуп насчет Полины и Де-Грие, то он резок и скор насчет русских. Про себя я ничего не говорю».

Про поляков и французам можно, а про русских, выходит, нельзя? Выходит, что нельзя, а про французам можно. И Алексей Иванович всё про себя помнит и знает. А вот когда говорит, то играет, шутует. Придуривается... Даже здесь — в разговоре начистоту о святом, то есть о русском, — игра продолжилась.

Но откуда же ей — игре — было взяться в этом мёртвом городе одержимых игроков, когда Любовь умерла (эта единственно возможная не-игровая — вкупе со смертью — субстанция)? Но... взялась. (Хотя только в тексте). Только у одного из рулетенбуржцев — у Алексея Ивановича, который всё же любил, и теперь, хоть и «перевлюбился», но память о Любви осталась. Она-то и поддерживает его как человека всё ещё играющего, поддерживающего себя в памяти о своей любви и её не-игровой метафизической устойчивости. Онтологической основательности. Здесь-то и надежда — «завтра, завтра всё кончится!» Случится ли чудо воскрешения божьего человека Алексея из мёртвых?..

Перед изгнанием из Эдема и немного после

«Люди, львы, орлы и куропатки...»

Чехов

Хорошо быть при начале
В Солнце с ног до головы,
И лежать на сеновале,
И, мурлыча пасторали,
Чтоб вокруг сидели львы,
Полны мировой печали, —
Ведь меню им составляли
Из ромашек и травы.
С птицей тоже всё в порядке:
Три орла, как куропатки,
На меня уставят взор,
Нежный, как расстрел в упор.

А в минувшую неделю
Весь Эдемский персонал
В односпальную постелью
Мне цикорий подавал.

Постность райского житья,
Даже райских обещаний,
Ева девушка моя
В перманентном ожиданьи
Норовит держать меня.

И, обиду затая
На порядки эти, я,
Воспротивясь Божьей воле,
Перешёл по личной воле
В план другого бытия,
Где бы зверь своей натурой
Был бы славен, а не шкурой,
Тойсть овчинным армяком,
Где б орёл глядел орлом,
Куропатка — пёстрой курой,
А Толстой был только Львом...

Пока Солнце не погасло
И усат под солнцем зверь,
Человек малюет маслом,
Бог рисует акварель,
Акварелью — пастораль,
А за ней — совсем закрай,
А в закрае через край
Сладко плачет между прочим
Та, что ничего не хочет, —
Одинокая свирель.

«...жизнь есть рай, и все мы
в раю, да не хотим
знать того, а если бы захотели
узнать, завтра же
и стал бы на всем свете рай».

Достоевский FM
«Братья Карамазовы»

Владимир Аристов
доктор физико-математических наук

Карточный игрок

Он построил на даче
карточный дом на песке –
легкий он, опирается на песчинки
и поэтому прочен

Ветер или огонь –
лишь одни
могут смахнуть его рукой со стола
но остальные – нет
читая эту притчу знаков и букв

Он играет в канасту
зазывая соседей, которые не идут
будто он затягивает их
в болотную политическую игру

А на самом деле
он чувствует в той игре –

когда руки его говорят другим –
прозрачность денег и вещества
проницаемость лиц
и благо, что можно жизнь свою раздарить никому.

Маргарита Аль

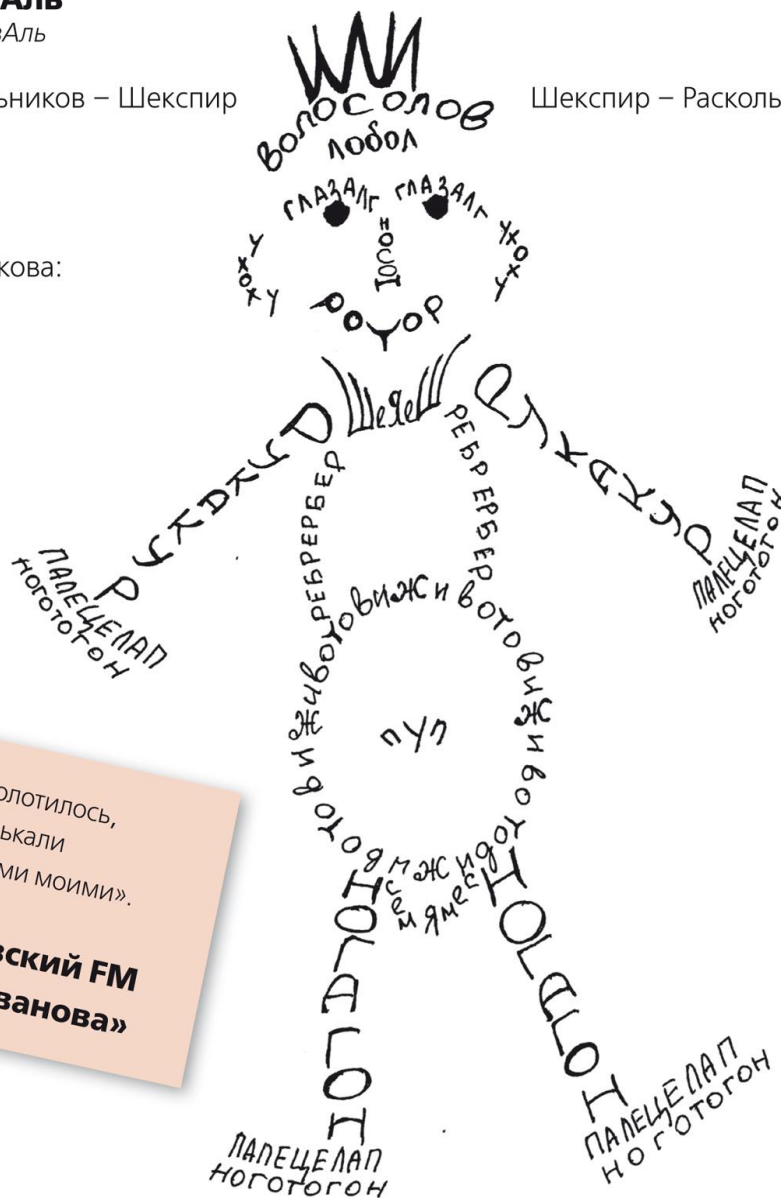
ДООС – стрекозАль

Адам – Раскольников – Шекспир

Шекспир – Раскольников – Адам

Реальность такова:
слова
слова
слова

ИЛИ
волососов
лобол
глазалг
носон
ухоху
ротор
шеяеш
ребрербер
рукакур
палецелап
ногогогон
животовиж
пуп
семямес
ногагон
палецелап
ногогогон

«Но сердце мое так колотилось,
что слова и буквы мелькали
и прыгали перед глазами моими».

Достоевский FM
«Неточка Незванова»

Александр
Раткевич
Полоцк,
Белоруссия

Галактика БЕСЫ

нужно подмешать к ней
Чтобы сделать правду правдоподобнее,
Суметь устоять против здравого смысла
Старогин выдрогнул,
помялся на Галанова и... выстрелил в сторону
БЕ
СЫ
Старогин не таков, чтобы снести обиду,
и убьет Шатова,
Старогин не таков, чтобы снести обиду,
Старогин не таков, чтобы снести обиду,

Сергей Данюшин

Санкт-Петербург

был когда-то глубоко несчастен —
теперь стал несчастен поверхностно.
ухмыляюсь маленькими глотками,
смотрю на пустую пепельницу.
раньше все официанты были на одно лицо —
теперь у них грустные глаза,
ухоженные руки и навязчивое
чувство собственного достоинства.

поэтическая среда мало
отличается от щелочной

Теория игр

1

наклёвывался клиент.
толстый
во всех отношениях.
оказалось, хорошо
играет в покер.
ничего не продали.

2

не играйте в «эрудит»:
слово «кю» вас победит.

3

«бутылочка» как инструмент создания
молодой семьи год от года теряет
эффективность, сказал седеющий
социопсихолог и принялся
ногтём отскабливать
пятнышко с правой штанины.

Заметки на ладони

Александр Федулов

Я иногда перечитываю книги, возникает такая потребность. Наиболее часто – Пушкина и народные сказки наши, абсурдные, или нелепые, как однажды в скобках уточнил А.С.П.

Пушкин выстроил мир, в котором есть будущее. В мире Достоевского, например, будущего нет. Там срез сиюминутности.

Пушкин называл себя поэтом действительности. Точность этого определения наводит на некоторые размышления. Реализм и действительность. Дьявольская – как сказал бы А.С.П. – разница. В данном случае – божеская. В основе понятия «реализм» – лат. *realis* вещественный; а в основе действительности – *Deus* бог.

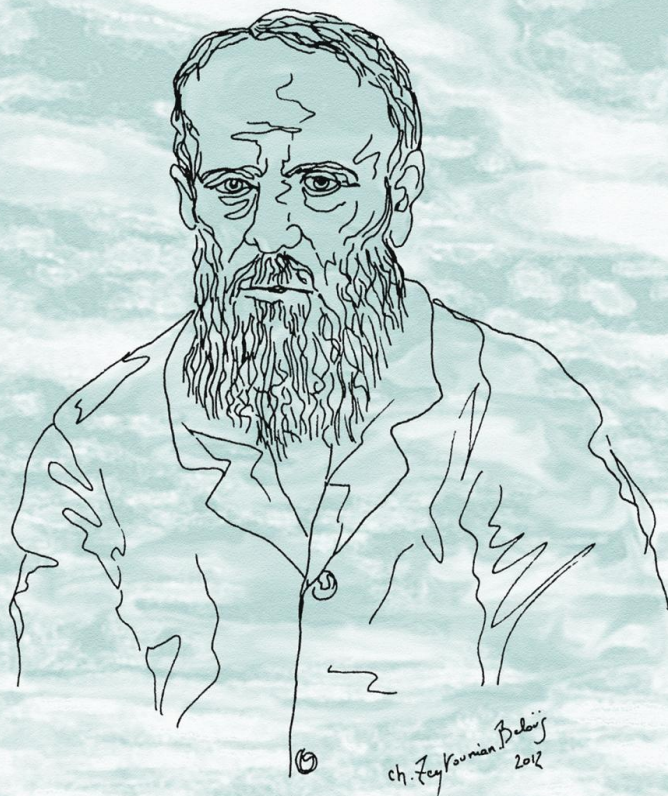
Пушкин избегает иллюзий. Он не создает гомункулусов в подтверждение или опровержение теорий.

Бедная Лизавета Ивановна из «Пиковой дамы» – глупенькая и самолюбивая барышня, мечтающая устроить свою судьбу. Она проворно откликается на первую показавшуюся возможность и обжигается. Но Пушкин снисходителен, потому что не заблуждается насчет людей. Он выдает Лизавету за состоятельного молодого человека. У нее уже воспитывается бедная родственница. Начинается новый круг, по образу и подобию. И в этом жизнь и залог будущего.

«Вы говорите, что выборы во Франции идут в хорошем направлении, – что называете вы хорошим направлением? Я боюсь, как бы победители не увлеклись чрезмерно и как бы Луи-Филипп не оказался королем-чурбаном. Новый избирательный закон посадит на депутатские скамьи молодое, необузданное поколение, не уstraшенное эксцессами республиканской революции, которую оно знает только по мемуарам и которую само не переживало» (Пушкин – Хитрово, 11 декабря 1830 г.).

Достоевский пишет «Игрока», словно первую часть «Пиковой дамы», а героиня «Пиковой дамы» – графиню Анну Федотовну и Лизавету Ивановну под именами Алёна Ивановна и Лизавета Ивановна помещает в роман «Преступление и наказание», где руками Раскольникова и убивает. Надоели. (Он же еще в «Бедных людях» использовал данную связку в сходном контуре – Анна Федоровна (виртуально) – Варвара Алексеевна).

Достоевский не удержался, скаламбурил – студент женщин зарубил (за рубль). В романе за 1 рубль 15 копеек. Но каламбур от того менее кровавым не стал. Что порешил процентщицу, понятно – душа игрока не стерпела. Но за что же сестрицу? Для угрызений совести? Лизавета как первая реальная ступенька ко Христу?

Достоевский.

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

По сути Раскольников убивает Христа ради. Не ново и страшно.

«Какой талант ныне во Франции не запачкал себя грязью и кровью в угоду толпы, требующей грязи и крови?» («Путешествие из Москвы в Петербург», 1834 г.).

Достоевский – игрок. Пушкин игрок не менее, но графиню – ту же процентщицу, ссужающую Германа верными картами с условием жениться на Лизавете, – не убивает. Старуха умирает от нервного потрясения, от страха. Разница есть. Достоевский утверждает – никакой. Для старух – действительно – никакой. Есть для окружающих. Воздействие примера, его последствия. Здесь Достоевский больше журналист. Кстати, старушки являются своим убийцам. Опять же мотив лестницы и там и там.

Пушкин называет себя афеом (*αθεος* атеист), вместе с тем верит в приметы, инфернальное его возбуждает. Он над судьбой и над случайностью размышляет. «Что если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? быть может, это охладило б его предприимчивость, и он со стыдом принужден был отступить? Лукреция б не зарезалась, Публикола (надо Коллатин,

но, я думаю, Пушкин ошибается намеренно – publicola друг народа. Тарквиний Гордый – последний царь Древнего Рима, после – республика. – А.Ф.) не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те» (Заметки о «Графе Нулине»).

Иногда кажется, что Пушкин деист.

Достоевский христианин. Достоевский идеалист. Он проповедует, что красота спасет мир и вымышляет Сонечку Мармеладову. В противовес Татьяне Лариной и женам декабристов? Государственным преступникам противопоставлен уголовник обратившийся.

Блок говорит: «Смерть есть Красота». Потом – во след традиции, – что Достоевского под ручки ведут Гоголь и Лермонтов. Я представил себе эту картину! Но одновременно мне почему-то вспомнилось: «Две придут сами, третью приведут» (Пушкин о рифмах, «Домик в Коломне»).

«Идеалист всегда злейший революционер». (Э. Ренан. Христианская церковь, V, с.48).

Достоевский, как Мичурин, сочинил сладенькую, паточную разумность Соню, когда всю дико чистым цветом цвела Катерина Измайлова. Еще раньше другая Катерина бросилась в Волгу, и ее двусмысленно нарекли «лучом света в темном царстве»; «Лев Аримафейский» воскресил ее, закрывая тему, – больше из молока ничего не выжать. А мармелад баловство для ребятшек.

Нашел у М. Бахтина подтверждение некоторым своим наблюдениям: «То же, что имеет смысл лишь как «раньше» или «позже», что довлеет своему моменту, что оправдано лишь как прошлое, или как будущее, то для него не существенно и не входит в его мир. Поэтому и герои его ничего не вспоминают, у них нет биографии в смысле прошлого и вполне пережитого» («Проблемы поэтики Достоевского»).

Вероятно, это было одной из причин, когда Ф. М. обряжал своих героев в гоголевские и пушкинские имена. Тем самым его герои-кукушата получали родословную.

Интересно отметить, как «Скупой рыцарь» откликнулся в последнем романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». В сцене у старца Зосимы – перепалка между Федором Павловичем и Дмитрием Федоровичем: «...на пистолетах, на расстоянии трех шагов... через платок! через платок!» – кричал Федор Павлович.

У Пушкина трагикомедия, у Достоевского – чистый фарс. Он разыгрывает эту сцену как известную уже всем балаганную Петрушкианину.

Разные моменты были в истории русской словесности, но два надо отметить особо: Пушкин научил ее улыбке Джоконды, а Достоевский содрал с нее кожу.

Пушкин доказал – русский язык способен выражать и мысль и чувства в разных формах и направлениях. Не прошло и 20 лет после его смерти, как явилась русская проза мирового пошиба. Вдруг?

По современной терминологии Пушкин – минима-

Кристина Зейтунян-Белоус

ДООС

Париж, Франция

Лысый воздух
с глазами дождя
со всех сторон
нацелен на тебя
но дышать им
опасно
хотя
без воздуха
жить нельзя
без
облысевшего
воздуха
с глазами
кислотного
дождя

Боюсь того, чего не знаю,
я пущу смерти и огня,
и по секундам изучаю
безжалостную поступь дня.
На электронном циферблате,
как шайка злобных бесенят,
мелькают цифры дружной ратью
и чем-то пристально грозят.
Сквозь жизнь впервые прорастаю,
больными мыслями шурша,
и под напором будто тает
моя чуть слышная душа.

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

лист. Но не аскет, как, допустим, П. Романов, который высветляет и иссушает свои рассказы до тончайшего и точнейшего абриса. Это приводит в восхищение, но восхищение это утомительно. Хочется «воды, простой воды!», как некогда требовал Бестужев-Марлинский, не подозревая скорого потопа.

Пушкин – наслаждение и мысль, спокойное размышление. Достоевский – воспаление чувств, вытаскивание на поверхность гена толпы, ослепляющий восторг.

Достоевский отмечен богом.

Любопытно – вот начало «Преступления и наказания»: «В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер...», а вот – «Мастера и Маргариты»: «Однажды весной, в час небывалого жаркого заката...». Мысль Булгакова: не трогайте Мастеров – это чревато. Другая мысль возникает из сопоставления названий: Мастер – преступление, Маргарита – наказание. А priori.

Федор Достоевский

Из «Дневника писателя»

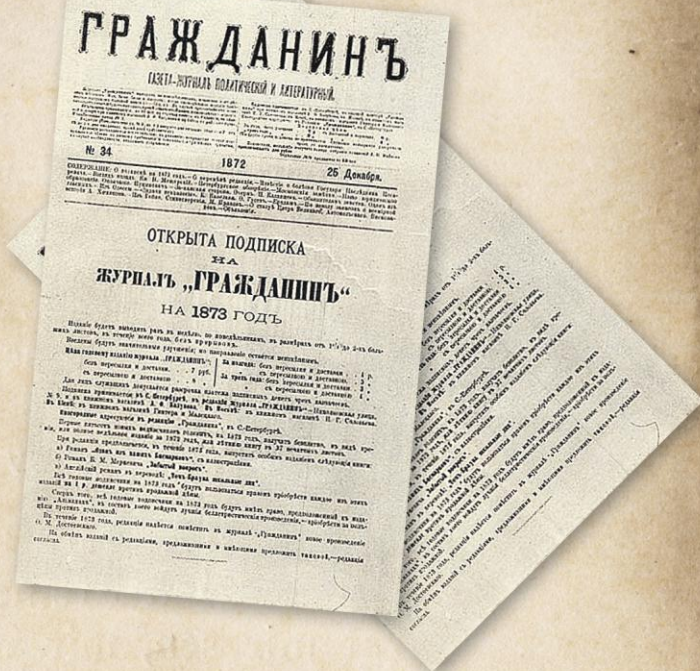
1873

I. ВСТУПЛЕНИЕ

Двадцатого декабря я узнал, что уже всё решено и что я редактор «Гражданина». Это чрезвычайное событие, то есть чрезвычайное для меня (я никого не хочу обижать), произошло, однако, довольно просто. Двадцатого декабря я как раз читал статью «Московских ведомостей» о бракосочетании китайского императора; она оставила во мне сильное впечатление. Это великолепное и, по-видимому, весьма сложное событие произошло тоже удивительно просто: всё оно было предусмотрено и определено еще за тысячу лет, до последней подробности, почти в двухстах томах церемоний. Сравнив громадность китайского события с моим назначением в редакторы, я вдруг почувствовал неблагодарность к отечественным установлениям, несмотря на то что меня так легко утвердили, и подумал, что нам, то есть мне и князю Мещерскому, в Китае было бы несравненно выгоднее, чем здесь, издавать «Гражданина». Там всё так ясно... Мы оба предстали бы в назначенный день в тамошнее главное

управление по делам печати. Стукнувшись лбами об пол и полизав пол языком, мы бы встали и подняли наши указательные персты перед собою, почтительно склонив головы. Главноуправляющий по делам печати, конечно, сделал бы вид, что не обращает на нас ни малейшего внимания, как на влетевших мух. Но встал бы третий помощник третьего его секретаря и, держа в руках диплом о моем назначении в редакторы, произнес бы нам внушительным, но ласковым голосом определенное церемониями наставление. Оно было бы так ясно и так понятно, что обоим нам было бы невероятно приятно слушать. На случай, если б я в Китае был так глуп и чист сердцем, что, приступая к редакторству и сознавая слабость моих способностей, ощутил бы в себе страх и угрызение совести, — мне бы тотчас же было доказано, что я вдвое глуп, питая такие чувства. Что именно с этого момента мне вовсе не надо ума, если б даже и был; напротив того, несравненно благонадежнее, если его нет вовсе. И уж, без сомнения, это было бы весьма приятно выслушать. Заключив прекрасными словами: «Иди, редактор, отныне ты можешь есть рис и пить чай с новым спокойствием твоей совести», третий помощник третьего секретаря вручил бы мне красивый диплом, напечатанный на красном атласе золотыми литерами, князь Мещерский дал бы полную взятку, и оба мы, возвратясь домой, тотчас же бы издали великолепнейший № «Гражданина», такой, какого здесь никогда не издадим. В Китае мы бы издавали отлично.

Подозреваю, однако, что в Китае князь Мещерский непременно бы со мною схитрил, пригласив меня в редакторы наиболее с тою целью, чтоб я за-

«Китайцы» Мещерский и Достоевский.
Коллаж Елены Кацубы.

менял его лицо в главном управлении по делам печати каждый раз, когда бы его приглашали туда получать удары по пятам бамбуковыми дощечками. Но я перехитрил бы его: я бы тотчас перестал печатать «Бисмарка», сам же, напротив, стал отлично писать статьи, – так что к бамбуку призывали бы меня всего лишь через номер. Зато я бы выучился писать.

В Китае я бы отлично писал; здесь это гораздо труднее. Там всё предусмотрено и всё рассчитано на тысячу лет; здесь же всё вверх дном на тысячу лет. Там я даже поневоле писал бы понятно; так что не знаю, кто бы меня стал и читать. Здесь, чтобы заставить себя читать, даже выгоднее писать непонятно. Только в «Московских ведомостях» передовые статьи пишутся в полтора столбца и – к удивлению – понятно; да и то если принадлежат известному перу. В «Голосе» они пишутся в восемь, в десять, в двенадцать и даже тринадцать столбцов. Итак, вот сколько надо здесь истратить столбцов, чтобы заставить уважать себя.

У нас говорить с другими – наука, то есть с первого взгляда, пожалуй, так же, как и в Китае; как и там, есть несколько очень упрощенных и чисто научных приемов. Прежде, например, слова «я ничего не понимаю» означали только глупость произносившего их; теперь же приносят великую честь. Стоит лишь произнести с открытым видом и с гордостью: «Я не понимаю религии, я ничего не понимаю в России, я ровно ничего не понимаю в искусстве» – и вы тотчас же ставите себя на отменную высоту. И это особенно выгодно, если вы в самом деле ничего не понимаете.

Но этот упрощенный прием ничего не доказывает. В сущности, у нас каждый подозревает другого в глупости безо всякой задумчивости и безо всякого обратного вопроса на себя: «Да уж не я ли это глуп в самом деле?» Положение вседозволенное, и, однако же, никто не доволен им, а все сердятся. Да и задумчивость в наше время почти невозможна: дорого стоит. Правда, покупают готовые идеи. Они продаются везде, даже даром; но даром-то еще дороже обходятся, и это уже начинают предчувствовать. В результате никакой выгоды и по-прежнему беспорядок.

Пожалуй, мы тот же Китай, но только без его порядка. Мы едва лишь начинаем то, что в Китае уже оканчивается. Несомненно придем к тому же концу, но когда? Чтобы принять тысячу томов церемоний, с тем чтобы уже окончательно выиграть право ни о чем не задумываться, – нам надо прожить по крайней мере еще тысячелетие задумчивости. И что же – никто не хочет ускорить срок, потому что никто не хочет задумываться.

Ольга Панюшкина

Ключи

水

火

Ключи в китайском языке –

Это всё то, что составляет иероглиф:

Разные чёрточки и палочки,
Кружочки.

А ты?

Всё те же закорючки-точки?

Или?

Кубы и корни из квадратов? Теоремы?

Их доказательства чернилами на парте,
Карты, схемы?!

Они, все эти Пифагоры, Архимеды,

Распахивая точные науки,

Раскрыли тему?

Кто ты?

Ключи каллиграфической системы?

Или

Вода? Огонь?

Они на чёрточку одну лишь отличаются,
На точку.

Забыл, не дописал –

В реке бежит вода,

Одну добавил –

Жарко жжёт огонь.

Сгореть больней.

Залитым быть смешней –

И скушно, и легко.

А ты?

Я – за огонь.

Конечно, так.

Спасти огонь нельзя бывает

Без топора.

И если одна капля отделяет

Ту воду от огня,

В каком разделе высшей математики

Она,

Та аксиома, что меня с тобою

Разлучает.

Москва, 2005

Александр Городницкий
Санкт-Петербург

Ладога

Когда ветра весенние задуют,
Напомнив, что не вечны холода,
Я еду вновь на Ладогу седую,
Где необъятна темная вода.
Где бледное не гаснущее небо,
Светящее из глубины веков,
Над нами опрокидывает невод
Золототканых низких облаков.
Не зря монахов чернокрылых стая
Осела в этом северном раю,
Обители сосновые поставив
У розовых гранитов на краю.
Былая память непосильным грузом
Ложится в основание строки.
Не здесь ли нас, в воде по самый кузов,
Из Питера везли грузовики?
Апрельский лед, невидим и непрочен,
Нам расставлял воронки на пути.
И все-таки я выжил среди прочих,
Кому от смерти повезло уйти.
Не потому ли в сумрачном апреле,
Когда заря рисует миражи,
Я возвращаюсь к этой колыбели,
Рождение второе пережив?

09.10.2011

Журнал **ПОЭТОВ**

«И не то странно, не то было бы дивно, что бог в самом деле существует, но то дивно, что такая мысль – мысль о необходимости бога – могла залезть в голову такому дикому и злему животному каков человек, до того она свята, до того она трогательна, до того премудра и до того она делает честь человеку. Что же до меня, то я давно уже положил не думать о том: человек ли создал бога или бог человека?»

Достоевский FM
«Братья Карамазовы»

Семен Краснов

Тольятти

Меня крестила бабушка тайком,
В ульяновском Воскресном старом храме,
Ни слова ни сказав отцу и маме,
Ушла под утро из дому пешком.

Рассветный большевистский Вифлеем
Смотрел вослед стремительной старушке,
И звук шагов – судьбинный счёт кукушки
Дробил в осколки суть безбожных схем.

А бабушки, всем миром, всей землёй,
Спасли любовь и сохранили веру.
...В Успенской деревянной новой церкви
Крестил детей я солнечной весной...

Великие стихи писались перьями.
Пропали перья – кончились стихи.
Поэзия – «воровка на доверии»
В чужих карманах спрятала грехи.

Заросшею тропой плетётся к лирике
Испить печали, как святой воды.
На паперти оборванные клирики
Ждут появления утренней звезды.

Осиновка. В руинах древний храм.
Июньский дождь, как помин по усопшим,
Щербатых окон шелестящий шёпот:
«Молитесь, дети, верьте. Аз воздам!»

Пустой причал. Молчащая река.
Поля, поля... Пустынная дорога.
С немой душой нельзя дойти до Бога.
...Земля моя – Самарская лука.

Рисунок **Александра Иосифова**

Ф.М.Достоевский, православная соборность и «русская идея»

О мировоззрении Ф.М. Достоевского спорили и, вероятно, будут спорить до скончания века, ибо оно не только соткано из противоречий, но сам образ мысли гениального писателя насквозь антиномичен, допуская одновременно тезис и антитезис, как будто в нарушение всех законов логики. Но это нарушение лишь формальной логики. «Я признаю существование материи, но я совершенно не знаю, материальна ли материя», – иронизирует писатель, предвосхитивший так называемую многозначную или модальную логику Яна Лукашевича (1878–1956), в частности, логику трехзначную, в которой в качестве третьего значения истинности высказывания введено значение возможности и нейтральности. В «Сне смешного человека» Достоевский намекает на высшее сознание, металогическое мышление, доступное безгрешному человеку. Для Достоевского характерен принципиальный адогматизм, восприимчивость к противоречащим друг другу идеалам, готовность их свободно переосмыслить.

В этом контексте очевидно, что ответить на вопрос об отношении Достоевского к православию, православной соборности и «русской идее», знаменосцем которой он был, задача нелегкая. Как это ни странно, вопрос этот почти не исследован, хотя и затронут рядом блестящих интерпретаторов Достоевского, такими, как Дм. Мережковский, В. Розанов, Н. Бердяев.

Знаменательно, что словосочетание «русская идея» родилось под пером Достоевского в 1861 г., в год отмены крепостного права. В объявлении о подписке на журнал «Время» Достоевский писал: «Мы знаем, что не оградимся уже теперь китайскими стенами от человечества. Мы предполагаем, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях». Как историософский термин «русская идея» вошла в словарь благодаря Владимиру Соловьёву.

Отношение Достоевского к религии, в частности, к православию и Русской Церкви было тесно связано и во многом зависело от его апологии «русской идеи», воспринятой писателем сквозь призму славянофильской доктрины о православной соборности. Определялось оно основательным знакомством Достоевского с православной агиографией, аскетикой и патристикой. Влияние этого круга чтения на писателя безусловно, особенно книги святителя Тихона Задонского «Сокровище духовное от мира собираемое», которая проникнута глубокой любовью к людям, верой в возможность восстановить утраченное прародителями в

раю богоподобие. Сам Достоевский неоднократно подчеркивал в «Дневнике писателя»: «Без веры (религиозной) в свою душу и ея бессмертие бытие человека неестественно, немислимо, невыносимо».

Из письма Достоевского к Майкову (конец 1868 г.) нам известно о замысле огромного романа «Атеизм», посвященного истории русского скептика, который после долгих летних исканий, увлечения различными богословскими школами и простонародными сектами «под конец обретает и православие и русскую землю». Замысел этот был трансформирован и частично воплощен Достоевским в «Братьях Карамазовых». О том, как понимал Достоевский православие, свидетельствуют его дневниковые записи: «Православие, то есть форма исповедания Христа, – есть начало нравственности и совести нашей, а стало быть, общественной силы, науки, всего...». «Православие, драгоценность народу. Всем слуга... всех утешает, всем помогает, все личности охраняет» (Письмо Ф. М. Достоевского А. И. Майкову).

Цель православия, по Достоевскому, – разрешить общественные противоречия, утвердить гармонию интересов, привести к подлинной свободе, равенству, братству в их христианском понимании, – возвысить в человеке духовность. Именно Православие, создаваемое на началах любви и веры в Бога, было для Достоевского основой нормального социального строя, нормального устройства людей на Земле; без православного понятия греха и воздаяния невозможно покаяние, смирение и прощение, невозможна достойная человека жизнь в условиях земного времени и пространства.

Уже в период редактирования журналов «Время» и «Эпоха» (1861–1865) Достоевский противопоставил распространившемуся тогда поветрию нигилизма теорию «почвенничества», которое, на наш взгляд, было для Достоевского синонимом Православия.

Если А. С. Хомяков и К. Ф. Самарин внутри православного мира не проводили никакой разграничительной линии, если для них в понятие «народ церковный» равно входили и русские, и греки, и южные славяне, то в почвенническую теорию греки, например, вообще не укладывались. Греческое православие восприняло многое из античного наследия и поэтому казалось Достоевскому осложненным и в известной степени искаженным. Он признавал только «русского Христа», единственного истинно православного, ибо у русских, как думал Достоевский, до принятия христианства вообще не было культуры. Именно Православие стало основополагающей культурной традицией для России. Даже секулярные реформы Петра I, упразднившего патриаршество, не смогли эту православную традицию прервать. Русский народ, сохранивший православие в чистоте

и неповрежденности, Достоевский мог по праву величать «народом-богоносцем», который призван явить Европе свет с Востока. В этом «русская идея» Достоевского. Отсюда его призыв «прислушиваться к движению народного духа» как пафос почвенничества. «Почва,— формулировал Достоевский,— народ, племя, своя кровь и традиция». Это другое имя славянофилов, — справедливо считал В. В. Розанов. «Гениальный провокатор христианства», он усомнился в репутации Достоевского как истинно православного писателя, вскрыл в связи с этим объективные несоответствия и противоречия, обратил внимание на то, что Христос основал Церковь как «царство вне крови и племени», как универсальное общество для всех людей, вне зависимости от их национальной принадлежности.

Розанов обвинил Достоевского в язычестве: «Остается непостижимым, каким образом «такой христианин», как Достоевский... стоял, глубоко уйдя ногами в языческую почву, и даже именно ее-то и провозглашал „нашей русской верой“, „православием“, которое призвано сокрушить „сатанинскую“ главу католицизма; тогда как бесспорно этот католицизм своею всенародностью и сверхнародностью и универсализмом... точно и просто последовал указанию Христа...»

Автор считает принципиально неверным противопоставление Западной и Восточной Церкви, католичества и православия. От апостола Петра идет традиция иудео-христианства, но преемственностью от апостола Петра гордится и Восточная Церковь. От апостола Иоанна идет мистическая традиция, но ею отнюдь не пренебрегает и Западная Церковь. В. Н. Криволапов делает важное наблюдение: «Демаркационная линия, разделяющая православие и католицизм для Достоевского проходила таким образом, что не затрагивала ни одного существенного догматического вопроса». Действительно, Достоевский не затрагивает тогдашних догматических расхождений между православием и католицизмом. Не случайно в келье старца Зосимы имеются как православные иконы Божьей Матери, так и ее католические изображения.

Но Достоевский отвергает наиболее уязвимый, принятый в 1870 г. догмат о папской непогрешимости, который имел тогда не только экклезиологический характер, но и определенное политическое звучание. Отсюда соответствующая, слишком резкая, очевидно неадекватная реакция великого писателя. Основной чертой католицизма Достоевский считал самодовлеющую силу власти и авторитета Папы Римского. Идею насильственного единения человечества писатель развенчал в блестящем памфлете «Легенда о великом инквизиторе». Социализм, по мнению Достоевского — порождение католицизма. В отличие от католицизма Православие стремится к устроению подлинного царства Божия на земле, усовершенствуя отдельных людей в духе любви, образуя из них духовное братство — Церковь. Отсюда так называемый православный мессианиззм или мистический патриотизм Достоевского. Воспитанный под благотворным влиянием Православия русский народ об-

ладает, по Достоевскому, теми нравственными качествами, той готовностью к самопожертвованию и всемирному служению, той всемирной отзывчивостью, благодаря которым именно ему должно принадлежать духовное лидерство в будущем. В «Пушкинской речи» Достоевский провозгласил идею особого универсализма русского человека, называя его «всечеловеком».

Отрицательное и, надо сказать, чрезвычайно предвзятое отношение Достоевского к Римско-Католической Церкви вызвало серьезную критику западных богословов. Б. Шульце в книге «Русские мыслители» сокрушается о том, что изображение католицизма в романах и публицистике Достоевского ужасно. Глубокую догадку по поводу этого искажения в «Легенде о Великом инквизиторе» высказал Розанов: «Уж если у кого Достоевский мог заимствовать обвинение христианства в антихристианстве, или, как я объясню, обвинение христианства в анти-божественности, то уж скорее у раскольников, чем у Вольтера и Гете».

В «Легенде о Великом инквизиторе», — проницательно пишет священномученик Павел Флоренский, — «раздвоение образа Христова на два, из которых ни один, ни Инквизитор, ни „Христос“, не есть чистое выражение духа Христова, приводит религиозное сознание к бесконечным трудностям, заставляет выбирать между „да“ и „нет“ там, где дано третье. Инквизитор — не от Христова духа имеет помазание. Но неужели, с другой стороны, оставаясь членом Церкви, дозвоительно отрицать „авторитет, чудо и тайну“ или хотя бы что-нибудь, одно из трех?»

Достоевский, к великому сожалению, с большой предвзятостью относился к католицизму, «главным образом потому, — справедливо считает Лев Шестов, — что все, что пришло из Европы, было у него на дурном счету, внушало ему одни подозрения». Забегая вперед, скажу, что отрицательное и предвзятое отношение Достоевского к Римско-Католической Церкви требовало необходимой корректировки, которую впоследствии проделал Вяч. Иванов. И не только в теории, но и в жизни. С.С. Аверинцев хорошо это понимал и был недалек от того, чтобы сделать на этом пути еще один шаг.

Здесь следует оговориться, что отношение к Европе у Достоевского менялось и вообще было весьма противоречиво. Незадолго до смерти Достоевский писал: «Европа нам мать, как и Россия, вторая мать наша, — мы много взяли от нее и опять возьмем и не захотим быть неблагодарными». Из осознания России как некоей лучшей части Европы, призванной ее спасти, у Достоевского вырастало последнее упование — вселенское христианство, православие будущего, которое должно начаться с подвига личной добродетели, с распятия в себе ветхого человека. Но этот идеал совсем не чужд Западной Церкви. Последнее же упование Достоевского связано с православным принципом соборности, который он усвоил под влиянием А.С. Хомякова.

Православная церковь соборна, то есть является добровольным соединением, собором верующих, на основе любви к Богу и друг к другу. Жизнь ее строится не на авторитете

и подчинении, а на свободном сотрудничестве всех в духе любви и общего согласия. Католицизм, с точки зрения славянофилов, изменяет началу свободы во имя единства, преувеличивает значение общего, авторитета, власти церковной иерархии, игнорирует личное религиозное самоопределение верующих. Протестантизм же изменяет началу единства во имя свободы, делает упор на индивидуальном, не видит подлинного смысла религиозной жизни общины. Только православие свойственна соборность, гармонически сочетающая единство и свободу в принципе христианской любви, своеобразие потребностей верующего и Церкви в целом.

Достоевский в своем творчестве дал самобытную религиозно-общественную интерпретацию принципа соборности. Социалистическому [=коммунистическому] коллективизму, рассматриваемому как принудительный, враждебный личности и свободе, он противопоставил православную соборность — братство людей во Христе, вхождение в общение живых и умерших. Именно в соединении соборности с почвенничеством проявилось, на наш взгляд, своеобразие православия Достоевского: соединение личной аскезы подвижничества со служением обществу, т. е. некий синтез иноческих уставов преподобных Нила Сорского и Иосифа Волоцкого. В программе общественного спасения, которую провозгласил Достоевский, сочеталось воцерковление интеллигенции и духовное просвещение народа, что выходило и выходит за рамки т. н. «казенного православия» (его рецидивы, увы, не изжиты Русской Православной Церковью и поныне).

В этом непреходящая актуальность главных идей Достоевского. Не случайно он назвал народную веру в Церковь «нашим русским социализмом». «Русский социализм», о котором писал и грезил Достоевский, был призван возвысить всех до нравственного уровня Церкви как духовного братства. Мучительно взыска «возрождения России в народном духе», Достоевский лелеял надежду на примирение и синтез, мечтал примирить православных славянофилов с западниками — социалистами, во имя идеи христианского социализма в русском его варианте. «В христианстве идее национальности бесспорно принадлежит свое определенное место, но если само христианство понимается и истолковывается лишь из идеи национальности, а не из Христа, как единого, живого и пребывающего центра, то, очевидно, мы имеем подмену: уже не народ — тело Божие, но сама вера делается телом народа ... национализм становится выше религии, а православие нередко оказывается средством для политики. Этот уклон был и в Достоевском», — отмечал С. Булгаков.

Объективный подход к творчеству великого писателя требует признать, что православие Достоевского выступает как атрибут русской государственности, как политическая идея. Пытаясь раскрыть, в чем именно христианство Достоевского расходится с официальным православием, некоторые исследователи, повторяя упреки К. Леонтьева, выдвигают следующие аргументы: «Историософия и антропология

Достоевского примечательны своей ориентированностью на счастье, что не характерно для христианской идеологии... Официальное церковное христианство не признавало возможным и желательным счастье человека на земле — ни как личное „благоденствие“, ни как общую гармонию» (Кашина Н. В. Проблемы идеала в творчестве Достоевского).

Между тем, у Достоевского на первом плане было возведение правды Божией на земле, а не принцип удовольствия. Церковь не смотрит на землю как на зло: Христос воплотился на земле, пришел не отвергнуть, а спасти мир, который является творением славы Божией. И какой-либо границы «здесь» и «там» в Церкви не полагается. И та всемирная гармония, о которой пророчествовал Достоевский, означает вовсе не утилитарное благоденствие людей на теперешней земле, а именно начало той новой земли, в которой правда живет.

Пророчества Апокалипсиса, любимой книги Достоевского, возвещают о распространении Евангелия по всему миру, о возвращении избранного народа иудейского в лоно христианства, о прекращении времен язычников, о стойкости немногих избранных во время гонения христианства и, наконец, о тысячелетнем царстве праведных со Христом на земле, которое предваряет последний великий суд, новое Небо и новую землю.

Достоевский «выходил за пределы исторического христианства, и в этом его религиозное значение, — подчеркивает Бердяев. — Творчество Достоевского насквозь эсхатологично... Православие Достоевского было обращено к грядущему, к новой завершающей эпохе в христианстве. Старец Зосима был пророчеством о новом старчестве... Алеша Карамазов был пророчеством о новом типе христианина».

По мнению Н. А. Струве, Достоевский провидел ход истории на целый век: «В его „пятикнижье“ предугадано все: и торжество „коммуны“ в России, и появление культа личности, и обоготворение нации, и смычка западного христианства с социализмом, все кумиры XX века».

Достоевский не только выразил «всемирную отзывчивость» русского человека; его христианская совесть, чуткая и встревоженная, провозгласила, что забвение собственного духовного наследия равнозначно отцеубийству и чревато братоубийством. Вдумчивое отношение к проблематике Достоевского, в романах которого демонически инспирированными представлены не только «социал-революционеры», но и «черносотенцы», ставит вопрос о самой природе революционной и тоталитарной стихий, красного и белого террора.

Важно сказать и о взаимном влиянии Достоевского и основоположника русского космизма Н. Ф. Федорова. В свое время К. Леонтьев мечтал под звон монастырских колоколов, напоминающих о близости вечности, стать равнодушным ко всему на свете, кроме спасения собственной души. Достоевский решительно отвергал такую философию. «Всякий перед всеми за всех виноват» — вот его замечательная моральная максима.

Не без влияния Достоевского Н. Ф. Федоров развил ее до

принципа т.н. супраморализма – печалования о всеобщей розни и соборного, совместного спасения в «общем деле». В свою очередь и Федоров оказал на Достоевского заметное влияние: Достоевский верил «не только в пришедшее, но и в грядущее Царство Божие, и понимал необходимость труда и подвига для его осуществления».

И в этом, безусловно, нам слышатся отзвуки Федоровского учения о внехрамовой литургии, чувствуется его очевидное влияние. Не следует, однако, его преувеличивать, утверждая, что Достоевский разделял главную идею Федорова о патрофикации или отцетворении (т. е. моральном долге живущих воскресить умерших), как считают некоторые зарубежные исследователи.

Достоевский оставался верен традиционному учению Православной Церкви о воскресении как мистическом, эсхатологическом всемирном акте, который совершится силою Господней, а не будет кульминацией общего дела.

В заключение отмечу, что традиционное понимание Воскресения Достоевским приобретало у него особый смысл, позволяло преодолеть непреодолимое ранее препятствие на пути к вере в Благой Промысл, следовательно, к вере вообще.

Я имею в виду самый большой неподъемный ранее для Достоевского камень преткновения – слезинку невинно замученного ребенка. Воскресение становится неожиданной возможностью, спасительным условием для раскаяния грешника, а праведнику позволяет простить его.

Герои Достоевского – эти убийцы, воры, проститутки и пьяницы – идут «странствующею толпою... к избавлению мира от греха, проклятия и смерти, от ада и отрицания, от зла и насмешки, от злобы и издевательства... – к восстановлению, – пишет В. В. Розанов, – какой-то белой звездной невинности – с ангелами, восходящими на небо и нисходящими на землю, с конечным и всеобщим устранением порока...»

Невольно вспоминается учение Оригена и святителя Григория, епископа Нисского об апокатастазисе – всеобщем спасении. Может быть, правы суровые критики Достоевского, и его православие не хватало исторического реализма, строгости, церковной дисциплины. Но нам кажется, что не вопреки, а благодаря этому неоправославие Достоевского не только возвращает сознание читателей к первохристианству, но и возводит его к неохристианству, открывает врата храма для всякого приходящего в Церковь.

*Памятник Ф.М.Достоевскому
(скульптор С.Д. Меркуров) во дворе
Мариинской больницы, где работал отец
писателя и где родился Федор Михайлович.
В этой же больнице умер Николай Федоров.*

*Памятник перенесен сюда в 1936 году
с Цветного бульвара, изготовлен 1914–1918 г.*

Фото **Евгения Зуева**

Денис Безносков

ДООС – дадазавр

Ницше ржет над сюрреализмом

с.бiryокову

месье гийотен достает инструмент
читает астрам мант
руууу ыыыы
танцует вверх тормашками
жонглирует кошками
какая дурацкая привычка! говорит бретон
я бы лучше использовал картон
для этой цели
и сидя на постели
медитирует
оммм мии маа моо
зрители вытягивают шеи
сквозь шум слышится шелест
эгон шиле
снимает штаны и раздвигает ноги шире
появляется бальтюс
принимает несколько снотворных капель аз
говорит есьм! и засыпает на кушетке
разглядывая голых музицирующих школьниц
арто пьет коньяк из деревянных мыльниц
мне кажется говорит он рядом кто-то есть
мне нужно говорит присесть
садится и смотрит в глаза гелиогабалу
лулу гелиобал габал гелио улла
в театр проник
двойник
батай кричит залезайте ко мне под веки
безголовые человеки!
кричит я превращаюсь в солнечный конус
(но превращается в солнечный анус)
тем временем вон там
вырастает фонтан
марсель дюшан идет под руку
с очаровательной рроз селяви
шепчет я сделаю все чего бы только вы
ни попросили тогда откройте говорит она свежее о(к)но
и он открывает свежее о(к)но
танги изображает все увиденное
я родился в таком виде но я
был вынужден одеться
говорит он и аккуратно открывает парчовый мешок
появляется анри мишо
оглядывает зал. молчит.
(потом его уносят на носилках)

«...важно свидетельство Достоевского – Достоевского, единственного психолога, у которого я мог кое-чему поучиться: он принадлежит к самым счастливым случаям моей жизни...»

Фридрих Ницше
«Сумерки идолов»

Сергей Рыбалкин

Мюнхен, Германия

Рифмоз стихопата

Без совести зазрения
накрапал стиха три я,
затем – сотое...

С точки зрения
психиатрии –
стихиатрия
всё это.

И мне
в форме роз
практически
диагноз распят:

«Рифмоз» –
хронический
«стихопат».

Мысли для «битья» – о смысле бытия

Ничто отверг,
нечто опроверг,
что-то ниспроверг:
(такова жизнь!) ><
не «тварь» человек;
его сущий «Werk»*:
«лестница вверх –
ведущая вниз»...

* Werk (нем.яз) – труд, дело, работа

Капитан Игнат Лебядкин

Любви пылающей граната
Лопнула в груди Игната.
И вновь заплакал горькой мукой
По Севастополю безрукий.

— *Хоть в Севастополе не был и даже не безрукий,
но каковы же рифмы!*

И порхает звезда на коне.
В хороводе других амазонок;
Улыбается с лошади мне
Аристократический ребёнок.

В случае, если б она сломала ногу!

Краса красот сломала член,
И интересней вдвое стала,
И вдвое сделался влюблен
Влюбленный уж немало.

Как Тартарена пригласили в страну львов

*Новое (старое) стихотворение
капитана Лебядкина*

Жил на свете Тартарен,
Тартарен от детства,
И потом попал в Стамбул,
Полный мухаммедства.

Место занял Тартарен,
Муфтии возроптали.
«Полон очень наш Стамбул», —
К султану закричали.

Но пока шёл крик да крак,
Подоспел Левонтий.
«Кучной ждем от вас стрельбы
На зверином фронте».

*Из тетрадки капитана переписал
Анатолий Кудрявицкий
ДООС – прозостихозавр
Дублин, Ирландия*

Мы часто забываем, что стихи Капитана Лебядкина на самом деле написаны Достоевским. Как поэт он здесь явный предшественник обериутов, наиболее популярных в 21-м веке.

Таракан

Жил на свете таракан,
Таракан от детства,
И потом попал в стакан
Полный мухоедства ...

— *Господи, что такое?*

— *То есть когда летом в стакан налезут мухи, то
происходит мухоедство, всякий дурак поймёт,
не перебивайте, не перебивайте, вы увидите, вы
увидите ...*

Место занял таракан,
Мухи возроптали,
Полон очень наш стакан,
К Юпитеру закричали.
Но пока у них шёл крик,
Подошёл Никифор,
Благороднейший старик ...

*Тут у меня ещё не dokonчено, но всё равно,
словами! Никифор берёт стакан и, несмотря на
крик, выплескивает в лохань всю комедию, и мух
и таракана, что давно надо было сделать. Но
заметьте, но заметьте, сударыня, таракан не
ропишет! Что же касается до Никифора, то он
изображает природу.*

Музыка Д. Шостаковича

Слова Ф. Достоевского

Любовь капитана Лебядкина

Ноты вокального цикла Д. Шостаковича
на стихи капитана Лебядкина.

Ольга Ильницкая

ДООС – слонозавр

Утро жизни

(по Достоевскому)

– В мире достаточно много, – сказала Настасья Филипповна.

– Что вы имеете в виду? – отозвался, посмотрев на нее, мужчина.

Настасья Филипповна отмахнулась, повторив сквозь зубы:

– Достаточно. – И тяжело задумалась.

Взгляд ее остановился на переносице собеседника, уголки резко очерченного рта завернулись вверх, и лицо от этого засветилось, замерцали глаза, вся она стала прелесть как хороша.

– Мудрого? – Мужчина постучал чайной ложечкой по краю блюда и, стряхнув капельку чая, потянулся к сахарнице.

Настасья Филипповна не отозвалась.

И мужчина, в который раз за утро, подумал о себе в третьем лице: да он просто идиот, к такой женщине – и с утра! К такой надо приходить в сумерках, чтобы уйти с рассветом. Такие женщины, мстительно подумал мужчина, лучше всего воспринимают романтический стиль отношений. А он, – мужчина обругал себя вновь, – он, идиот, купился на ее имя... «Всю жизнь покупаюсь на внешнее, всю жизнь».

Настасья Филипповна очнулась и погасла, как гаснут матовые светильники, когда уже понятно, что развития не последует, а надо со стола собрать, и поскорее, отложив до следующего раза надежду на радость.

– А радости всегда есть место в каждом дне, – произнесла она громко.

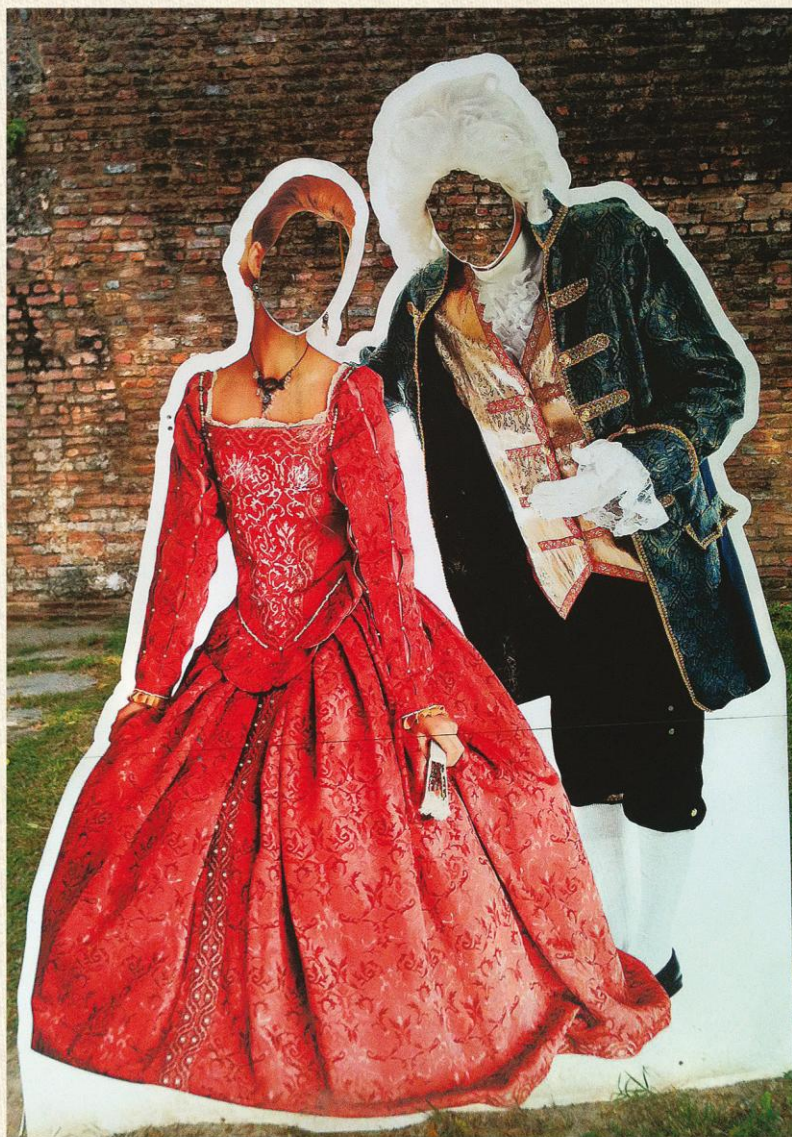
Мужчина от неожиданного сильного голоса ее расплескал чай, смутился и вслух произнес то, что на разные лады повторял, переступив порог комнаты одинокой приятельницы, вдовы своего соседа, начальника, которому всю жизнь завидовал.

– Идиот! – сказал мужчина раздраженно, отряхивая залитый чаем край белоснежной скатерти тем движением, которым ложку встряхивал.

Медленно поднялся, подошел к Настасье Филипповне с мыслью, что вот, не завидует он больше Феде, нет, не завидует, потому что нет Феде больше, а он, начальник, Ипполит Макарович Фесуновский, вот он есть!

И сейчас он подложит ладонь под ее просвечивающий сквозь пушистую молодежную стрижку затылок, подложит свою интеллигентно-узкую, влажную от нервов ладонь, как делал когда-то Федор, и ... Успокоится. Или – или.

Он склонился над пахнущей горячим чаем вдовой.

Композиция **Андрея Вradия** специально для ПО.

Настасья Филипповна разогнула всегда удивленные брови, мягко засветилась изнутри и сказала:

– Федя! Ты черт знает, что воображаешь, идиот мой ненаглядный, – и приняла Федора на упругую грудь, обнаружив, что он опять плохо выбрит. И что день начался уже давно, и всюду они опоздали – она с уборкой, а Федя со своей любовью, всегда не к месту и не ко времени.

Вдруг открылась дверь, и сосед, начальник Ипполит Макарович, призывно прошуршав свежими «Аргументами и фактами», спросил:

– Чего он топчется, соседка? Подавай хозяина!

Наступил обычный день обычной жизни супругов Настасьи Филипповны и Федора, недавно вышедшего на пенсию и еще не освоившегося со свободой.

Некогда обузданная здравым смыслом и службой фантазия его расцвела, как запоздалый цвет бузины, белопенный и неуместный среди спокойной жизни, которая светилась устойчиво и матово, как Настасья Филипповна – под его умиляющим вольности ощущений взглядом.

«Достоевского читаю при свечах!»

ДИАЛОГ

Юрий Беликов – Сергей Черемных

Даже за рулём Сергей Валентинович говорил о Фёдоре Михайловиче. Разумеется, мне и раньше приходилось общаться с юристами. Не могу сказать, что я испытывал при этом радость. Все они мне казались «сухарями» и за редким исключением – регламентированными, скучными и где-то даже унылыми людьми. А сейчас я ловил себя на мысли, что с судьёй Черемных мне интереснее, чем с иным филологом. Я спросил Сергея Валентиновича о том, что, наверное, в его кругу на эту тему приходится распространяться не часто? Он кивнул утвердительно и не без сожаления. Черемных уже двадцать пять лет работает в Пермском краевом суде. Длительное время рассматривал тяжкие и особо тяжкие уголовные дела. Собирается написать книгу. Нет, не мемуаров. Усмехается: «Чтобы писать мемуары, нужно проработать в системе не двадцать пять, а пятьдесят лет». Будет писать что-то близкое к «Запискам охотника» (кстати, сам Черемных – ещё и страстный охотник). Не сомневаюсь, что одним из её адресатов-собеседников станет Достоевский.

Из рассказов ваших коллег я представляю прямо-таки мистическую картину: судья Черемных, прежде чем вынести приговор, читает романы Достоевского. Причём – при свечах. Это уже какой-то ритуал. Прочитает – и вынесет. Где тут истина, а где миф?

– Действительно, я читаю Достоевского при свечах, однако не на работе, не дома, а на даче. Но свечи – не ритуал, а бытовая необходимость, потому что иногда злоумышленники обрезают провода. И на даче судьи краевого суда – тоже. При этом я сразу хочу сказать: современному человеку при свечах много прочитать нельзя. Мы уже привыкли к другому освещению. А при свечах зрение всё равно устаёт. Наверное, свечи выглядят в моём случае как нечто театральное и пафосное, но они – в чём-то порыв души, мечущейся в поисках утраченного времени, которое мы не застали, но нам его оставила в наследство русская классическая литература. Поэтому хочется проникнуться: как, например, люди писали гусиными перьями в колеблющемся свете свечей? Помните, какие были заботы у Фёдора Михайловича? Накупить свечей да бумаги.

– А всё-таки увлечение Достоевским началось до того, как вы избрали стезю юриста? Или выбранная стезя разбередила в вас интерес к его романам?

– В школе мы ведь проходили только «Преступление и наказание». И знаете, чему я поразился? Даже мальчишкой, многого не понимая, но, начав погружаться в этот текст, я похолодел: он – как бездна!..

– Неужели эта «бездна» подтолкнула поступить на юрфак?

– Совершенно верно: Порфирий Петрович. Он самый. Пристав следственных дел из «Преступления и наказания». Я перечитал весь роман, ища его фамилию. Как так? Должностное лицо – всё равно его фамилия должна была мелькнуть. А тут везде – Порфирий Петрович. Фёдор Михайлович, очевидно, долго подыскивал фамилию для Порфирия Петровича. И не нашёл. Той, которая бы соответствовала этому образу. Прислушайтесь: в романе у каждого героя – говорящие фамилии. Родион Романович Раскольников. Три «р». Свидригайлов. Потом – Соня. Здесь, видимо, переключка, с умершей дочерью Фёдора Михайловича. Он назвал свою героиню её именем, чтобы воскресить эту душу, хотя это опять же мои предположения. Та Соня умерла в Швейцарии, а вот эта – Соня Мармеладова. Вдумайтесь в фамилию! С одной стороны, что-то сладкое, а с другой, – тяжёлая жизнь с жёлтым билетом. Я всегда поражался умению Достоевского давать фамилии своим героям и названия произведениям. Вот Шатов из романа «Бесы», который ничего не боится. На нём всё держится – на Шатове. И – шатается... Нет лучшего названия, чем «Братья Карамазовы». В слове «братья» – близкое, родное. И в то же время – Карамазовы. В самом звучании кроется нечто страшное! Можно было бы назвать роман просто – «Карамазовы», но Достоевский уравнивал их словом «братья». Кстати, проглядывается и любопытнейшая аббревиатура: ДИА... Дмитрий, Иван, Алексей. Начало слова «диавол». Понимаете, что получается?..

– Вы сами пришли к этому открытию?

– Сам. Хотя, может, где-то написано уже. О Достоевском – тысячи исследований, но можно писать ещё тысячи. Самое главное – надо его читать.

– Отчего именно труды Достоевского стали Библией Черемных? Не Тургенева, не Льва Толстого, не Чехова, не Бунина?

– Наверное, потому, что люди, о которых он писал, были узнаваемы на улицах. Низы общества. В своё время я работал слесарем на машиностроительном заводе им. Октябрьской революции. Там, знаете ли, не было разговоров о Леонардо да Винчи. Но дело даже не в этом. А в том магнетизме, который возникает во время чтения произведений Достоевского. Конечно, читать Фёдора Михайловича второпях, на пляже или в гамаке не стоит.

– Но смотрите: я читаю Бунина и слышу мелодию фразы. Читаю Достоевского – и слух мой начинает спотыкаться о небрежности его прозы. Допустим, в «Записках из мёртвого дома» только в одном абзаце я насчитал десяток производных от слова «работа». Парадокс, но любой теперешний маломальский редактор правил бы Фёдора Михайловича нещадно! Ясно, что Достоевский писал, спеша. Потому что ему нужно было заработать.

– Действительно, во всех письмах Фёдора Михайловича проглядывает зависть к Тургеневу и Толстому по поводу того, что им не надо думать о хлебе насущном, о том, чтобы отработать аванс. У одного – Спасское-Лутовиново, у другого – Ясная Поляна. Но я поражаюсь другому. Будучи в Швейцарии со своей женой Анной Григорьевной, Фёдор Михайлович взял аванс. Она беременна Софьей. Небольшая комнатка. Жена лежит за перегородкой, а он пишет роман «Идиот». Пишет-пишет и вдруг спотыкается и приходит к мысли: это всё не то! Да, огромную работоспособность Достоевского отмечали все современники. Он был, как кандалами, прикован к столу. Но в данном случае Федор Михайлович бросает массу написанного и начинает с чистого листа – тот вариант, который мы сегодня знаем как роман «Идиот». То есть Достоевский себя правил! Конечно, реальность часто делала Фёдора Михайловича фигурой карикатурной – завистливой, обидчивой, мнительный, спорящий едва ли не из-за каждого проигранного рубля, но, садясь за письменный стол, Достоевский из этого мира уходил.

– Однако в наше нечитающее время сложно даже представить, чтобы человек не просто читал романы Достоевского, а, я полагаю, и перечитывал их?

– Но я их на самом деле перечитываю. Больше всего – «Братьев Карамазовых». Дальше идут «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы». Помните, в «Преступлении и наказании»? «Огарок уже давно погасал в кривом подсвечнике, тускло освещая в этой нищенской комнате убийцу и блудницу, странно сошедшихся за чтением вечной книги». Имеется в виду Библия. В этой картине скрещиваются все вопросы.

– Вы действительно можете воспроизводить по памяти целые куски из Достоевского?

– Нет, я всё-таки не актёр и целиком никакие куски не заучивал. Но мне очень нравится сцена в доме старшего Карамазова, когда он задаёт вопрос Ивану: «– Иван, скажи мне точно: есть Бог или нет? Только точно скажи». Иван говорит: «– Нет Бога». «– А бессмертие, Иван, хоть маленькое, малюсенькое есть?» – «– Нет бессмертия». «– А ты, Алёшка, что думаешь?» А тот: «– Если есть Бог, есть и бессмертие». Старший Карамазов подумал: «– Нет, по-моему, Иван прав». Вот видите, великий вопрос, который волнует всех, – и сплошные противоречия. Как тут, в этом романе, всё сошлось?! Чем вам не учебное пособие для всех наших юристов?! Вот коллизия: сын убил отца. И сын же осуждён. Но допущена следственная и судебная ошибка! Потому что осуждён другой сын – тот, который не убивал, а не Смердяков. Но ведь был суд присяжных, который мы считаем высшей формой суда. И, тем не менее, чудовищная ошибка происходит... Но здесь мне хотелось бы оперировать конкретикой. Смердяков говорит Ивану: дескать, убили бы его, Карамазова-старшего, – и вам бы всем вышло наследство по 60 тысяч рублей. А затем Смердяков достаёт из носка 3 тысячи, отдаёт их Ивану: мол, вот они, деньги! Тем самым, признаётся в убийстве. Но при этом продолжает жадно смотреть на извлечённые из носка радужные банкноты. Магнетизм денег и наживы! Человеку осталось жить-то два-три часа... Если помните, потом раздаётся крик, что «свидетель Смердяков повесился». Поразительно: он только что исповедался, но за шаг до смерти человеку хочется посмотреть на эту кучу радужных бумаг. Что мы видим сегодня? Жадность, предательство друзей, убийство партнёров... Таково наше «уникальное время». Поэтому и романы Фёдора Михайловича без «работы» не остаются.

– Может быть, роман «Бесы» должен стать настольной книгой любого политика, рвущегося на вершину власти? Хотя, вероятно, постижение этого романа отбивает охоту туда подниматься.

– Власть – это магнетизм почище романов Фёдора Михайловича. Что сказал старец Зосима Ивану? «Если этот вопрос не решился в вашем сердце в отрицательную сторону, то он не решится и в положительную». Когда человек устремляется во власть, он пойдёт в эту власть, встав из-за письменного стола, на котором раскрыт роман «Бесы». Кстати, мы забываем: а сам-то Фёдор Михайлович переворот ведь затевал!.. То есть шёл не куда-нибудь, а в ту самую власть. Хотел перевернуть мир и оказаться наверху. Он уже отодвигал Петрашевского. Потому что в глазах Достоевского, это был болтун, не желающий воплощать в реальность революционное дело.

– Не наблюдали ли вы в материалах конкретных дел, которые рассматривались в краевом суде, вот это перемещение общественного сознания от «Бесов» к «Преступлению и наказанию»?

– Уголовное дело – это всё-таки не роман. В уголовном деле фиксируется преступление. Подозреваемое лицо

привлекается в качестве обвиняемого, признаёт он вину, либо не признаёт. Собираются доказательства. Убийств, конечно, за последнее время я рассмотрел много. Их статистика выросла в разы. На первом месте – масса убийств бытового плана и на личной почве. Пьяная ссора, во время которой человек теряет границы дозволенного. Видит на столе нож и берёт его в руку. Или заходит за перегородку, хватается ружьё и стреляет в обидчика. Что касается Родиона Раскольникова, замислившего убийство старухи-процентщицы... Есть один очень страшный момент, получивший сегодня распространение. Нам по-человечески больно рассматривать дела, жертвами которых всё чаще становятся старушки. Это люди, которые социально не защищены. Их жестоко обманывают одни, являющиеся под видом представителей соцзащиты, а другие просто их за эти пенсии убивают. Как могут противостоять 70-80-летние бабушки и старики разъярённому наркоману? Конечно, никто никогда из этих преступников не задаётся известным вопросом Раскольникова...

– *«Тварь ли я дрожащая...»*

– «...или право имею?» Когда человек через несколько лет после совершения преступления пишет явку с повинной, ты понимаешь, что с его душой что-то стряслось в тот роковой миг, да и происходит сейчас, в момент явки. А так – мотив преступления, как правило, банален: нужны деньги или вещи, имущество. Миром по-прежнему правит корысть. Те самые 100 тысяч рублей, которые фигурируют в романах Достоевского. Не понимают люди, что переступил за черту – и обратной дороги нет.

– *«Можете ли вы, положив руку на сердце, сказать, что вы всегда ли судили по совести? И она не давала досадных сбоев?»*

– Есть такой старый анекдот: на крыльцо земского суда выходит судья, рядом – писарь, который несёт во-о-от такую стопку законов. Недалече – мужички, пришедшие судиться. Судья спрашивает: «Ну что, мужички, как вас судить? По закону?» – показывает он на писаря, в руках которого – десять томов. – Или – по совести?» Они: «По совести, батюшка, по совести!»

– *«То есть на мой вопрос вы отвечаете притчей?»*

– Я просто вспомнил анекдот. Конечно, все люди допускают ошибки. И я тоже не был от них застрахован. И меня, разумеется, поправляли в вышестоящих инстанциях, отменяя вынесенные мной приговоры. Но считаю: «страшных ошибок» (так я их называю) я не допускал.

– *«Как-то я спросил одного хирурга: «Помните ли вы всех своих пациентов?» Он ответил: «Несомненно». А судья, читающий Достоевского при свечах, помнит ли всех своих подсудимых?»*

– Я не забыл первого своего осуждённого. Фамилия у него смешная – Фунтиков. Это был человек дна. Раньше

писали: не бомж, а бомжир. Что означало: без определённого места жительства и работы. Была в 80-х годах такая 209-я статья в УК.

– *«Какое же злодеяние совершил господин Фунтиков?»*

– Никакого. Просто он бродяжничал, у него не было социальных корней. Его доставляли, куда следует, предупреждали, что он должен изменить свой образ жизни. Но как он изменит его... И Фунтиков был осуждён. Причём – уже по пятому разу. Он через год выходил на волю, просил судей, чтобы они ему подгадали освободиться летом, опять вливался в свой круг, обитавший рядом с вокзалом. Их снова задерживали, помещали в спецприёмник, паспортизировали, давали направление на работу...

– *«А всё-таки, не кажется ли вам, что настало время материализации хрестоматийной, зазубренной каждым школьником фразы из «Преступления и наказания»: «Тварь ли я дрожащая или право имею?» И эту фразу вот-вот – и начнут воспроизводить не только бомжи у теплотрасс, но и все «униженные и оскорблённые» граждане России?»*

– Знаете, меня очень потрясло и задело, когда я услышал, что у нас 400 тысяч человек живут за чертой бедности. То есть у них доход – две и менее тысяч рублей на человека. 400 тысяч – из 2-х миллионов живущих в Пермском крае! По городу в час пик проехать невозможно из-за машин со всего мира. И – рядом 400 тысяч людей, которые не сводят концы с концами, а просто не могут их свести!..

– *«Вы, конечно, помните, как Родион Раскольников говорит: «Все законодатели и установители человечества... все до единого были преступники...» Есть ли в вашей памяти пример из новейшей нашей истории, который бы опровергал эти слова главного героя «Преступления и наказания?»*

– Всё-таки судьи – это правоприменители. Издан закон. Мы должны им руководствоваться. Законодательство в нашей стране здорово менялось и меняется. Возникают новые общественные отношения, которые требуют регулирования и, соответственно, развития законодательства. Однако иногда и правоприменители не выдерживают: «Ну что тут они намудрили! Что наворотили?!» Мы понимаем, что эта норма неправильная или не до конца выверенная. Но надо как-то её применять. При этом несогласие с «законодателями и установителями» остаётся. Вот я вам всё это говорю: а сам думаю: «Как на ваш вопрос ответить?» Во всех решениях Конституционного суда присутствует такая фраза: «Жизнь, честь, достоинство и свобода человека – высшее благо». И когда это будет не только фразой в правовом документе, но и реальностью, вот тогда, наверное, я и смогу ответить на ваш вопрос.

Пермь

ТриАда (Александра, Аделаида, Аглая).
Рисунок Галины Мальцевой.

Кирилл Ковальджи
ДООС – кириллозавр

И сегодня

Со всех сторон Достоевский
суёт мне свои сюжеты...

– Простите, Федор Михайлович,
но Вам потакать не желаю,
не желаю я быть героем
гениальных русских трагедий –
пусть считают меня идиотом!

Проигрывает в карты
задумчивый пророк,
как жизнь – кавалергарду,
спустившему курок;

проигрывает вору
трагический поэт,
оратору, танцору
и паре эполет;

проигрывает с треском
на молодой земле,

как желтый Достоевский
румяному Рабле,

но дух – победы краше,
его не побороть, –
любите проигравших,
как любит их Господь,

и знайте – рыцарь бедный,
страдающий за всех,
смеялся бы последним,
когда б в конце был смех.

Красота спасёт мир?

Мастера украшали сабли
ружья кинжалы
рукоятки приклады стволы
и даже лафеты пушек

Теперь вензеля завитушки
да и самих мастеров
водородная бомба
послала к ядерной матери

Эта парочка...

Неужели всерьёз вы поверили,
что с улыбкой и песней, светла,
молодая красавица Мэрилин,
с некрасивым веком ушла?
Неужели не видны вам тени те,
что скользят над серой толпой –
на руках несёт ее Кеннеди
с прострелянной головой.

Александр Матвейчев
Красноярск

Сибирское блаженство

Беседа с Пророком и Учителем

Мне, уроженцу русской деревеньки в Татарстане, прожившему в Красноярске последние пятьдесят три года из своих семидесяти девяти, эти слова Фёдора Михайловича – как бальзам для души. Согласен с ним, что тогда в Сибири был и «климат превосходный» и проживало «много замечательно богатых и хлебосольных купцов; много чрезвычайно достаточных инородцев». А «барышни цветут розами и нравственны до последней крайности». На одной из таких – сибирской украинке в третьем поколении – я уже четверть века женат. Может быть, поэтому, слегка перефразировав давно почившего Пророка и Учителя, сумел разрешить загадку жизни и навсегда остался в Сибири, чтобы с наслаждением в ней укорениться. Так же поступила, кстати, и моя предыдущая жена, привезённая мной из Татарии беременной и родившая здесь дочь – коренную сибирячку...

Только, любезный Фёдор Михайлович, мне, оказавшемуся в Сибири в конце августа 1959 года, – почти через сто десять лет после Вас, – эта часть прирастания России мне таковой не показалась. В первую зиму, часто на улице, мне довелось, иногда в компании с лагерными зэками, работать электрослесарем на эксплуатации первой и строительстве второй очереди завода медицинских препаратов. Так что я на себе испытал превосходный климат и гостеприимство заводской столовки. Только, увы, без упомянутых Вами моря шампанского и превосходной икры. И куда же подевалась дичь, что, по Вашему утверждению, «летает по улицам и сама натывается на охотника»? – такого чудного видения мне пережить не довелось.

Правда, ныне этого добра – икры и шампанского – в супермаркетах и на рынках появилось – настоящего и поддельного – предостаточно, только подавляющее большинство сибиряков их видит, да зуб неймёт. А воскрешение замечательно богатых купцов хотя и произошло, но большинство их, скупивших на корню сибирский бизнес, нанимают менеджеров, а сами предпочитают жить то за бугром, то в Москве, не тратясь на хлебосольство. Зато инородцев стало «чрезвычайно достаточно». И не сибирских аборигенов, скажем, хакасов или тувинцев, а среднеазиатов или кавказцев: таджиков, киргизов, армян, азербайджанцев. Не говоря о китайцах: они обосновались в своём китайгороде и на базарах, окружили столицу

Столичные чиновники «...не правы: не только с служебной, но даже со многих точек зрения – в Сибири можно блаженствовать».

Достоевский FM
«Записки из Мёртвого дома»

Ф.М.Достоевский на каторге

края теплицами, где произрастают внешне соблазнительные овощи, опасные к употреблению. К «братьям на век», в Поднебесную, утекает строевой кедровый и сосновый кругляк из на глазах скудеющего моря тайги. А цветущие розами барышни становятся женами «ходей», заполучивших российское гражданство и, для удобства жён, детей, покупателей, называющих себя русскими именами. Много таких барышень стоят на обочинах магистралей под присмотром сутенеров – ждут клиентов-дальнобойщиков или подпивших мужиков из пивнушек, захотевших продолжения банкета.

Вряд ли учрежденный недавно в новом правительстве министр по реанимации Дальнего Востока одолеет китайскую экспансию. Но в том, что миллиарды, отпущенные на развитие экономики региона, будут освоены с минусовым балансом, сомневаться грешно. Футуро-

логи – и я в их числе – предсказываем, что к середине века русские в Сибири станут почти реликтовыми Homo Sapiens. А на диком берегу Иртыша, где в Омской крепости каторжанин Ф.М. Достоевский четыре года «постоянно и исключительно» читал Евангелие со спрятанной в переплете банкнотой в десять рублей, подаренное ему при свидании на этапе, в Тобольской каторжной пересылке женой декабриста Н.Д. Фонвизина, – на том, ермаковском, берегу будут распевать песню не на рылеевские стихи, а на совсем непонятном нам языке.

Утешает мысль, что к тому времени и я воспарю над суетой житейской – там, где «похоронят, зарюют глупо», – в сосновом бору на склоне сопки посёлка Стеклозавод, переименованного большевиками в поселок Памяти 13 Борцов. Эти борцы захотели стать хозяевами стекольного завода. И не успели – колчаковские казаки порубали их «в капусту». Но и тех казаков постигла та же участь: партизаны отряда Копылова нагнали их, пленили и превратили в фарш.

А теперь мы, жена Нина Павловна и я, живем на двух улицах Копылова – в красноярской квартире и борцовском особняке с садом.

За семь лет учёбы в Казанском суворовском и два года в Рязанском пехотном училищах (1944 – 1953) о Достоевском мы, кадеты и юнкера, слышали мельком: был де такой русский писатель, хулитель революционеров, припадочный любитель рулетки. Да ещё и единственный из русских авторов, чьи книги фюрер, тоже припадочный фанатик, запретил жечь на варварских кострах...

Время было военное и послевоенное, и как можно было такого религиозного реакционера издавать и отравлять его писаниной патриотическое сознание советских людей?.. И только после первого курса Казанского авиационного института в пятьдесят седьмом году, двадцатичетырёхлетним, на летних каникулах в доме моей старшей сестры Наталии, в татарском посёлке Шемордан, я прочитал восемь томов Достоевского. Изданы они были в хрущёвские годы, а попали в шкаф сестры, скорее всего, потому, что была она завучем школы и женой первого секретаря райкома КПСС. Девятый том – со вторым томом «Братьев Карамазовых» – прочесть не успел: надо было уезжать в Казань для отправки в колхоз на уборку урожая и дальнейшего страдания на радиофакультете КАИ.

Гадаю теперь, что в столь длительное погружение в безразмерный мир Достоевского меня подтолкнула его биография из того Собрания сочинений. Ещё бы, он с четвёртого класса стал кадетом Главного инженерного училища в Питере и через два с лишним года производится в чин полевого инженера-прапорщика и переводится в нижний офицерский чин в возрасте девятнадцати лет. Всё, как у меня: кадет – курсант и в двадцать лет – лей-

тенант, пишущий и желающий стать писателем. На этом аналогии не кончаются...

Приговоренный к расстрелу «петрашевец» Достоевский смерти избежал. Однако царское помилование обернулось для него четырьмя годами каторги. После чего – ссылка в 7-ой Симбирский линейный батальон солдатом, унтер-офицером и прапорщиком. А у меня – одиннадцать лет нахождения в рядах «непобедимой и легендарной». Они-то и отвратили меня от военной лямки напрочь. Рязанское пехотное показали мне аналогом Мёртвого дома. А по окончании одного двухлетнего командования в лейтенантском чине пулеметным и стрелковым взводами в Китае и Прибалтике – дорогой в ад. Об этом мой роман «Казанова. в Поднебесной»...

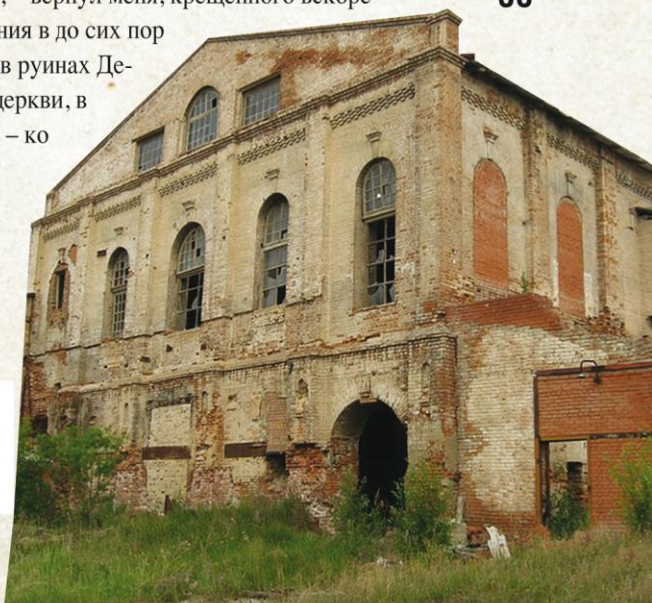
Согласен с писателем-философом Василием Розановым, что Фёдор Достоевский «говорил, как кричит сердцевина моей души» в кульминационные моменты жизни. Ибо он был «так близок к Истине».

Однако для осознания и понимания Достоевского военная служба и постижение марксистско-ленинской философии даже на кандидатском уровне совершенно не годятся. Религиозный философ, поэт и публицист Владимир Соловьёв предупреждал, что Достоевский писал для людей, забывших катехизис – изложение христианского вероучения в форме вопросов и ответов. Забывать мне было нечего – я сию книгу никогда в глаза не видел.

Однако судьба подфартила – благодаря Владимиру Андреевичу Павлову, первому президенту Английского литературного клуба при красноярской краевой научной библиотеке. В девяносто четвёртом году он предложил нам заняться изучением Библии. Для начала прочесть и обсудить 150 наиболее известных библейских легенд. Через год профессор Павлов трагически погиб – утонул в Енисее при странных обстоятельствах: осмелился вторгнуться в бизнес, контролируемый бандитами. А теперь я уже с десятков лет президентствую в клубе. Новый завет, прочтенный мной неоднократно на английском, испанском и русском, и обсуждение его при участии глубоко верующих и антихристов, – а иногда и священников-миссионеров, – вернул меня, крещенного вскоре после рождения в до сих пор страдающей в руинах Де-гитлинской церкви, в Православие – ко Христу.

Поэтому мне стал более понятен сакральный смысл об-

*Руины знаменитого
Стеклозавода в поселке
Памяти 13 борцов.*

мена фразами на латыни между друзьями по несчастью – верующим Фёдором Достоевским и воинствующим атеистом-бесом Николаем Спешневым, прообразом Ставрогина в романе «Бесы». Тогда – ранним морозным утром 3 января 1950 года, на Семёновском плацу в С.-Петербурге, за считанные минуты до расстрела, – привязанный к столбу Фёдор как бы проверил стоявшего рядом Николая вопросом, заранее предполагая ответ: «Мы будем там со Христом?» И получил ожидаемое: «Горсткой пепла»...

... Барабаны внезапно простучали отбой: указом императора Николая I расстрел был заменён каторгой. Но для Достоевского этот короткий эпизод и обмен фразами со Спешневым стали началом главного этапа в творчестве писателя. И он ещё тридцать один год опровергал своими творениями метафизический сарказм Спешнева-Ставрогина. И утвердил свою веру в человека, сделав, как писал поэт-символист Вячеслав Иванов, «нас богами, знающими добро и зло, и оставил нас, свободных выбирать то или другое, на распутье».

Будучи семнадцатилетним юношей, Достоевский в одном из писем определил главную цель своей жизни: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь разгадывать ее всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком».

Похоже на великий завет великого писателя писателям
всех времен и народов.

В «Бесах» Достоевский говорит, словно о днях сегодняшних: «Тогда было время особенное: наступило что-то новое. Очень уж непохожее на прежнюю тишину, и что-то очень уж странное, но очень ощущаемое даже в Скворешниках».

Пишу эти строки в поселке Памяти 13 Борцов, где с девяностых годов, при этой власти, встал и снова растаскивается по кирпичикам стеклозавод, который в двадцатых растащили и затем восстановили при большевиках. Не стало леспромхоза, и царит здесь полная безработица. Зато разрослось вдвое кладбище: от пьянства и суицида вымерло сотни людей. И таких особенных времен – реальных и обещанных, при «сибирском блаженстве», – прошло не счесть.

Между тем как многие семьи – и молодые в их числе – продолжают ютиться в деревянных бараках, построенных первыми хозяевами стекольного завода еще при царе и вросших в сибирскую землю местами до подоконников.

Как бы прокомментировал Достоевский подаренную нам Богом или Дьяволом очередную ситуацию-испытание? Что побеждает в России: Добро или Зло?.. Думаю, любой житель этого поселения в географическом центре страны на этот вопрос только криво усмехнется: и дураку понятно, куда нас снова занесло.

Не написать ли и мне свой вариант романа «Бедные люди»? Конечно же, как и у Достоевского: без призывов к свержению...

Борис Колымагин

*** * ***

Черные запятые ворон, по Готье,
не оставляют – и росчерк,
такая редкость.

На экране

«yes»,

«no»

И —

[illegible]

чистая виртуальность

*** * ***

Давно уже страсти промчались мордасти: старушка к трамваю с клюкой от напасти к трамваю и сумочка полная – сеть, продукты, и пуговицы, пуговицы – медь в кармане пришивленном. Вос- поминанья.

Заполненный шкаф. Пыль мироздания,
трясение чашек, шорох речей.

Отверзи ми двери

связкой ключей.

Тело согбенное, но горяча
ярого воску в небе свеча.

«Насчет Достоевского я еще пропишу тебе, Борис, кузькину мать – сейчас не до того».

Иван Бунин.

Письмо Б.Зайцеву 6 марта 1944

Компьютерная графика
Андрея Дмитриева

Преступление и наказание.
Рисунок Галины Мальцевой

Салават Кадыров

Верхний Уфалей, Башкортостан

Сердцебиение времени,
озвученное будильником
в чуткой тишине,
позволяет мне думать,
что и я что-то значу
в мире живого времени,
что и я что-то смогу,
откликаясь в тишине
сердцу времени
сердцем своим.

В поспешности местных луж
видна небесность городка,
где возвышенные облака,
цепляясь за купол церкви,
днями учатся летать,
а скороспелые дожди
долго не отпускают землю,
где годами ничего не меняется
по воле приходящих властей,
которые сгоряча не вникают
в небесную суть городка.

Самый умный Грибоедов
и шустрый Гоголь молодой
мечтали о чем-то светлом,
думали о вечно живом,
во что-то верил Достоевский
и Пушкин пушистый понимал,
что мы к себе придём когда-то
любить прекрасное во всём,
что зовётся самой жизнью
находить понимание в том,
что мы к вечному примеряемся,
чтобы стать достойными себя.

Боюсь быть хорошим,
тем более хорошеньким
в хорошем смысле слова,
если хорошо подумать,
не от хорошей жизни я
слыву таким нехорошим,
опасаясь всех хороших
и хорошо продуманных,
потому живущих хорошо,
считая себе по хорошему,
что быть чуть нехорошим
очень даже хорошо.

Ольга Адрова
ДООС – рок-стрекоза

Метро

Карта наших отношений
похожа на схему метро:
когда-то нас разделяла лишь станция,
одна лишняя станция,
а теперь – гляди-ка,
как разрослось-то все.
Твоя новая жизнь – какое-то Южное Бутово –
то ли Шутово, то ли Лютово.
А моя – это неоткрытые северные станции,
станции, станции
Никак, никак не открою
в себе Достоевского*,
Никак, никак не найду
эту Марьину Рошу*, –
не то, не то метро,
не то, не то метро.
И только лишь кольцевая,
та, что нас разделяет,
нас все же соединяет,
нас как-то порой сближает:
не то, не то метро.
не то, не то метро...

*Станции московского метро

Коллаж
Елены Кацубы
специально для ПО.

Игорь Балюк

НЕТ

Наблюдаю с удивлением –
параллельно потолку
мухи дерзкое паренье
прямо в сети пауку.

Геометрии ценитель.
Брюшком стравливает шнур,
суть последнюю обитель
мышьих аэро-фигур.

Обмер. Челюсти на взводе.
Напряжен. Готов к броску.
Вот жена детей приводит –
дать голодным по куску.

Ровно в эту же секунду
муха вышла из пике.
Пауку обидно, трудно.
В бессловесном тупике

он глядит, обескуражен, –
метит в муху ока луч.
Лапка ниточку не вяжет.
Изумлен и невезуч,

ищет разум путь отмщенья.
Тут бы крылья пауку –
поравняться с наглой тенью,
что скользит по потолку.

«Мне всегда казалось, что вы
заведете меня в какое-нибудь
место, где живет огромный
злой паук в человеческий рост,
и мы там всю жизнь будем на
него глядеть и его бояться».

Достоевский FM
«Бесы»

Рисунок
Кристины Зейтунян-Белоус
Париж, Франция.

Валерий Байдин
Кан (Нормандия), Франция

СВА

Фрагменты из романа. Начало в № 5 (37) 2012 г.

с. Лави

Лави появилась в параднике неожиданно – в начале декабря. Вид у неё был отрешённый, мрачный, почти больной. Она тихо со всеми поздоровалась, мельком кивнула Сва, ещё кому-то и невидяще прошла мимо, не желая ни с кем общаться. По тому, как она в стороне шепталась с двумя ближайшими подругами, было ясно – с нею происходит что-то особенное. От её мимолётного, безразличного взгляда у Сва заныло сердце. Он терялся в догадках и совершенно не представлял, как подойти к ней, о чём заговорить. Весь вечер украдкой поглядывал в её сторону и недоумевал: вот она допила с двумя герлицами бутылку сухого, вот надолго замолчала, вот начала что-то брэнчать на гитаре. Бросила. Кому-то блеснула издали глазами. И теперь, сидя на сплюснутых картонных коробках, обхватила колени и низко опустила голову. Лицо скрылось под локонами волос с тёмно-золотым отливом.

Казалось, Лави кого-то ждала. Понятно, что не его, раз так равнодушно прошла мимо... В потоке безрадостных мыслей Сва едва заметил, как она, ни с кем не простясь, вышла на улицу вместе с Точкой. Хлопнула входная дверь. В груди испуганным существом заметалось сердце, но Сва не шелохнулся, словно прилип к полу. И в то же мгновение понял, какая это была ошибка.

Гул голосов стих и тут же возобновился. Все принялись обсуждать странный соскок, но Сва не понял ни слова. Так же ни с кем не простясь, он ринулся к входной двери. Хотелось только одного – догнать её и, ничего не говоря, поцеловать. Крикнуть ей – нет, обнять и, не целуя, шепнуть губы в губы: – Люблю. Не могу без тебя.

Он добежал по бульвару до метро, покругил около выхода, переулками, замедляя шаги, вернулся к параднику и долго бродил рядом. Всё было напрасно, обе подруги бесследно растворились в зимней тьме. Только тут его осенило – Лави приходила именно к нему. К нему и ни к кому другому! Весь вечер ждала, что он к ней подойдёт. И, наверное, думала: «Если любит, увидит, что мне плохо и скажет хоть что-нибудь, хоть одно слово...»

– Идиот! Последний из идиотов! Как я мог этого не понять? Обиды на неё клеил. Поверил Дику. А что я про неё знаю? Вдруг она болела всё это время? И никаких лаверов у неё нет в помине. Теперь она в парадник не скоро заявится. А на меня и смотреть не захочет. Да и придёт ли вообще? Если бы ещё хоть раз её увидеть, если бы такое было возможно! Ничего не побоюсь, при всех скажу ей, что люблю.

На следующий вечер Сва пришёл позже обычного, не глядя, махнул всем рукой и примостился в углу, на сломанном ящике из-под фруктов. И только тут заметил Лави. Увидел и не поверил глазам – она сидела в глубине подъезда, на лестничных ступеньках, в обнимку с незнакомым парнем и

на Сва не обратила никакого внимания. Он перестал для неё существовать. Остальные лишь понимающе, кисло-кисло кивали ему и оставили наедине со своими мыслями. А мысли у него были самые отчаянные. Кто-то стоял вдоль стен, пересказывая старые прогоны, кто-то привычно расположился на кипах картона и на батарее. Все курили и гоняли пургу. Две бутылки сухого никак не согревали разговор.

– Вчера я чуть ли не молился об этой встрече. И вот встретились. Лучший момент для признания в любви. Хай тайм. Значит, Дик оказался прав, у неё своя жизнь... В тот первый день чуть расслабилась со мной из любопытства и тут же забыла. Непонятно только, зачем передавала мне привет? Но для неё это сущий пустяк. Какой же я наивняк... Ну что ж, Лави, нет больше Сва! Пора отчаливать, вновь становиться Севоём, цивилем из универа. Немного посижу напоследок, дожусь, пока тоска поглубже разъест всё внутри вместе с глупыми мечтами. Каждый взгляд на вас двоих – глоток кислоты. Горячая боль в груди и животе, скоро там всё растворится, и меня пустой оболочкой унесёт в зазеленелый город. Недолгая операция по выжиганию чувств. Нет, не выдержу больше. Слишком больно так – сразу. Лучше доболеть одному. Где-нибудь, как-нибудь. Всё, не сил! Прощай!

Сва рывком поднялся и быстро пошёл к двери, у выхода обернулся, чтобы напоследок глянуть на Лави и на бывших друзей, махнуть им рукой и молча скрыться.

Там, у порога, поймал её далёкий, пронзительно грустный взгляд. Лави по-прежнему сидела рядом с парнем, но была словно одна и неотрывно, умоляюще смотрела. Глазами и всем видом просила: «Не уходи!»

Не зная, что делать, он прислонился к стене и опустил веки, дрожащими пальцами вынул пачку сигарет и тут услышал её отчётливый голос:

– Народ, хочу сингануть вам кое-что! Недавно сочинила. Называется «Двадцать лет». Короткая, хотите?

– Свой новый сонг? Оф коос! Дави, Лави! – голоса гулко отозвались в подъезде.

Она поднялась со ступенек, расчехлила гитару, села на единственном покалеченном стуле без спинки, отдала сигарету Точке и, глядя в пол, запела грустным, подсаженным от непрерывного курева голосом:

Двадцать лет!

Нам вслед

вторит «нет» и «нет»

этот мир свой жестокий завет.

Снова год

пройдёт,

сердце глупо ждёт,

но весна никогда не придёт.

Жизни жуть
забудь,
есть отсюда путь –
в синеву ледяную нырнуть!

Она едва перебирала струны замёрзшими пальцами и, казалось, всеми силами противилась тоске.

Небосвод
плывёт
над кругами вод,
и никто нас не позовёт.

И не жаль,
что вдаль
унесёт февраль
наших душ любовь и печаль,
наших душ любовь и печаль...

Сва подошёл ближе, встретился с Лави взглядом. Глаза её скорбно, без слёз блестели, больше обычного темнели зрачки, но в их глубине к нему метнулось горестное тепло. Она опустила веки и едва заметно кивнула головой, будто говоря: «Понимаешь теперь?»

– Всё так, – задумчиво промолвила Муазель.

– Это ты о нас! Это... – Данетт бросилась к Лави, обняла её и готова была расплакаться.

– Брось, мать, надrinkалась, – Лави слегка отстранила подругу и опять опустила голову.

Хиппы неясно зашумели. Никто не ожидал услышать песню, где было столько грусти. Ей протянули полстакана вина, подошли с каким-то мятым цветком, полезли с поцелуями и растерянными похвалами:

– Найсовый мотив. И слова зацепили, – задумчиво произнесла Мади.

– Меня что-то плющить стало, – всхлипнула Ни-Ни и отвернулась к стене.

– Синганула клёво, но как-то в облом... – Потоп маялся посреди подъезда и явно не знал, что делать.

– Андэрстэнд! Раз так, летс дринк! У меня ботл есть, – Лави подняла голову, сверкнула глазами в сторону Сва и наклонилась к сумке.

В тот же миг рванулось и неистово застучало сердце – словно целые сутки не давила грудь невыносимая тоска. Мелькнула сумасшедшая мысль, что эту песню Лави спела для него. Со ступенек поднялся её фрэнд и оказался настоящим верзилой:

– Мать, ты что-то закексовала, – небрежно бросил, открывая бутылку коньяка, – Сделай что-нибудь для оттяга.

Лави не шевельнулась. Тогда Сва вплотную подошёл к ней и неожиданно, не думая, выпалил:

– Давай выпьем за твою песню и... за твою любовь!

В руках у него ничего не было, и он смутился, не зная, куда их деть. Но и терять ему было нечего.

Наступило короткое молчание.

– Ну, и что дальше? – с издёвкой произнесла Точка.

Рисунок Александра Иосифова. 70-е годы XX века.

– А дальше... – Сва наклонился, поцеловал у Лави руку и с пылающим лицом отпрянул. Все дружно засмеялись, как от дурацкого прикола.

– Тебе больше нравится быть студнем или мажором? – без раздражения, скорее с любопытством спросила Лави, но в глазах её опять мелькнула тёплая грусть.

– Мне всё равно. Я сегодня решил соскок отсюда сделать, но запал на твоей песне... Спой ещё что-нибудь из твоих, на прощанье! – её же взгляд он отсылал ей навстречу и, затаив дыхание, ждал.

– Брось ты! Какое прощанье... – улыбнулась и быстро отвела глаза. – Ладно, я вам сейчас одну заводную спою.

Долгий миг хиппы переводили взгляды с Лави на Сва и обратно. Под её пение в параднике постепенно началась лёгкая чума. Это была битловская «Can't Buy Me Love». Всем хотелось развеять никчёмную тоску и встряхнуться. Пришли две разряженные молодые герлицы, расцеловались с Лави и с другими, как со старыми знакомыми, вынули бутылку рэда. Дружелюбно глянули на Сва, но он опять сел в угол и закрыл глаза, не желая играть в кис, участвовать в приколах и слушать дурацкие телеги.

Надо было дожидаться, когда всё кончится, и во что бы то ни стало поговорить с Лави. А если не захочет, распрощаться и с нею и со всей системой: «Как-нибудь проживу. Половина людей одиноки. почти все несчастны, но всё равно живут, – твердил он сам себе. – Только скажу ей, что люблю. Станет легче, я знаю. Больше мне ничего от неё не нужно. Просто уйду и буду о ней вспоминать. Всю жизнь».

– Чувак! Ты что, не будешь? – верзила подошёл к нему с открытой бутылкой.

– Буду. За вас, – попробовал овладеть собой Сва, поднялся, отпил из горла несколько больших, невежливых глотков и опять сел.

Горячая волна заполнила тело, голова бездумно пошла кругом. Он закрыл глаза и стал ждать. Хотелось лишь одного, чтобы его никто не трогал. К счастью, Дика не было, а остальные про него будто забыли. Что-то синговали – то Лави, то её верзила, то Бор. Хохотали герлицы, дурачился Откол...

Расходиться по домам стали ближе к полуночи. Сва молча шёл к метро вместе с парой незнакомых девиц, Лави и её спутником. В черные лужи вмерзли желто-красные листья – остатки осени, которые ушедший ноябрь бросил им под ноги. На перроне все распрощались, и они остались втроем. Верзила обнял Лави, поджидая поезда. Сва глупо стоял рядом и не мог открыть рта.

– Чао! – парень с силой хлопнул его по плечу.

– Гудбай, – пошатнувшись, но не повернув головы, ответил Сва и перехватил быстрый взгляд Лави: – Я хотел бы на прощанье поговорить с тобой, можно?

– На прощанье? – она посмотрела, что-то решая про себя, усмехнулась, будто ждала от него именно таких слов, и чмокнула верзилу в щеку: – Май литл, я пройдусь немного со Сва. На прощанье, как он говорит. Езжай один, о'кей?

– Файн! – сердито буркнул тот, прожёл его взглядом и шагнул в подкативший вагон.

– Можно, я тебя провожу? Хотя чуть-чуть? – теряясь от радости, спросил Сва.

– Что ж, проводи. Поехали на следующем. Мне нужно домой поскорее, бабушка ждёт, – она отвернулась и пошла вдоль перрона.

– Я так рад, что сегодня тебя увидел. Решил завязать с хиппами и хочу попрощаться. С тобой одной, – начал Сва.

– Почему ж мне такая честь?

– Я тебя совсем не знаю. А других уже не хочу знать. Неинтересно. Но не в этом дело. Мне показалось, ты совсем другая. Ты мне сразу лавну... Я сразу полюбил тебя, как увидел! А после этой песни... захотелось поговорить, потому что... – он поднял лицо и встретился с ней глазами, – я сам мог бы похожую написать.

– Ты пишешь песни? – Лави глянула с лёгким любопытством.

– Нет, стихи. Но одна песня у меня есть, хотя мотив не мой, какого-то американца, не помню.

– Ну, прочти мне что-нибудь, я люблю поэзию, – в её голове послышалась неприятная нотка.

– Прочту, если хочешь. Хорошо, что я пьян... Нет, я тебе лучше спою. Зайдём в вагон, здесь эхо мешает.

– А там тебе не стрёмно будет? – она усмехнулась, позволив взять себя за локоть и ввести в подъехавший вагон.

– Ну, слушаю!

– Я на ухо тебе спою, можно?

– Какой хитрый! – опять усмехнулась. – Можно.

Сва закрыл глаза: «Ладно, спою и расстанемся...» Запел сиплым, неровным голосом:

Опять всё уходит – любви нашей лето,
Зелёные листья желтеют опять,
С тихим криком надежда улетает бесследно,
Только лёгкие крылья вдали шелестят.

Пропало метро, Лави, исчез целый свет. Всё повторялось! Он пел в пьяном одиночестве, наедине с тем давним, самым первым приступом отчаяния, когда вдруг почувствовал, что нечем жить:

И глаз твоих слёзы, и губ твоих нежность,

И слов твоих холод кто сможет понять?

Нам дано как в насмешку полюбить – потерять,

В миг случайный родиться и исчезнуть опять.

Нет, Лави была рядом, слушала, наклонив голову. Мелькнула надежда: она поймёт, почувствует, что эта песня – прощание с нею, с любовью, которая вдруг является и, целуя, уходит – непонятым чудом, навсегда.

– Давно уже написал, на мелодию одного блюза. По «голосам» как-то услышал. Конечно, наивно и коряво, я знаю, – мучительно выдавил Сва приговор себе самому.

И услышал в ответ:

– Зря не говори.

Глаза Лави ласково лучились, как в день их знакомства, и опять, как тогда, в их глубине мерцала грусть. Она отвела взгляд и тихо сказала:

– Не ожидала, если честно. Что-то близкое послышалось... Значит, ты стихи пишешь. Дал бы почитать!

– Хочешь? Завтра всё в парадник принесу! – воскликнул он, не веря своим ушам. – Но только тебе одной. Я ведь не поэт. Пишу редко, просто так.

– Только так и можно писать. Ни для кого и ни для чего. Как же ещё? Хорошо, никому не скажу, – Лави положила руку ему на плечо и пронзила ускользающей, мечтательной улыбкой. – Странно, ты первый мэн, кто мне свои стихи прочёл. Да ещё и спел. Красиво, – она быстро поцеловала его в щеку и шепнула:

– Спасибо.

Сва едва сдержался, чтобы изо всех сил не сжать её в объятиях. Он всё падал и падал в её овеванные дымной горечью глаза...

– Ты, правда, совсем дивный. Все герлицы уверены, что ты девушек никогда не любил.

– Любил. И очень сильно.

– А где же сейчас эта твоя любовь?

– Не знаю, наверное, давно замужем.

– Сва, – глаза Лави были закрыты, а рука всё лежала на его плече, отчего восхитительно кружилась голова.

– Что? – чуть приблизился он.

– Глупый, поцелуй меня.

– Я не могу... Ты такая... Я сразу с ума сойду.

– Значит, тусовка наша ничему тебя не научила? – она отпрянула и рассмеялась.

– Увы, научила! Там поцелуй – как сигарета, будто никто ничего не чувствует, никого не любит! Все только целуются с кем попало и так далее.

– О... – Лави опустила глаза. – Опять ты первый, кто мне это говорит. Почему? Даже, если ты чуточку прав.

– Скажи, – горячился Сва, – кто придумал такой прикольный дебильный?

– Это к нам от западных хиппи пришло. И не с кем попало, а только со своими... Неужели ты не понял? В мире уже нет любви. Наш поцелуй – это капелька нежности, крошечная, как цветок, – она отвернулась и шагнула к дверям. – Мне выходить! Спасибо за песню. И за мораль. Не провожай, я тут близко живу.

– Прости, я... – Сва опёрся рукой о дверное стекло, будто желая удержать её, и умоляюще произнёс: – Не обижайся! Можно я тебя поцелую? Где тебя ещё никто не целовал?

Она взглянула с издёвкой:

– Прямо здесь? Думаю, таких мест уже не осталось.

– Да, здесь. Сейчас.

Сва поймал её руки и стал с отчаянной страстью целовать худые запястья, холодные пальцы, ногти с обломанным маникюром. Лицом утонул в её ладонях. Лави шумно вздохнула, слабо потянула пальцы назад:

– Уже целовали, – вспыхнула и закрыла глаза. – Сегодня вечером...

Через миг на пустом эскалаторе они, изнемогая, искали губы друг друга. Сва в коротком удушье целовал её лицо, шею, волосы, губы. И везде, теряя голову, чувствовал покорную, встречающую, сводящую с ума нежность. Обнявшись, с закрытыми глазами, они возносились всё выше, цепенели оттого, что вот-вот эскалатор кончится, но не в силах были разъединиться.

– Люблю тебя! Навсегда полюбил! – прошептал Сва.

В ответ донеслось едва слышное:

– Встретить тебя... В этой паскудной жизни...

Комья свежего снега рыхлыми облачками стыли на мокром асфальте. Они шли из метро в сырой холод, Лави держала его под руку. Напрасно Сва вновь пытался её обнять, она отстранялась и упорно смотрела вниз, в сторону.

– Что с тобой?

– Ничего. Прости, голова кружится. Это от седа, – вздохнула и, не замедляя шагов, отвернулась ещё больше.

Молча прошли сквозь чёрно-белый призрачный парк полный слабых древесных запахов.

– Дальше не провожай, – сказала она перед большим сталинским зданием и остановилась. – Тебя всё равно не пустят. Чао, Сва.

Быстро коснулась губами его щеки.

– Не обижайся, уже поздно.

– Лави! – он попытался её обнять. – Мы так и простимся?

– А как бы ты хотел? – вскинула она полные слёз глаза. – Чтобы я тебя на ночь к себе прописала?

– Ты о чём? Совсем не то. Совсем! – Сва побледнел. – Раз так... Ничего я не хочу. И правда, зачем тебе моя любовь? Немного расслабилась, как хиппы в параднике, вот и всё. И всё-о!

Он прокричал последние слова и, не оборачиваясь, бросился назад. Несколько мгновений надеялся, что Лави его окликнет, и готов был вернуться, забыв о позднем часе, обо всем на свете. Но она не позвала.

Сва чувствовал, что для неё это было «не всё», вспоминал её поцелуй, нежность и слёзы в глазах, дрогнувший голос и обидные слова в конце – будто нарочно отвечала на песню,

которую он спел ей в метро. Будто она и была той, самой первой, с кем он расстался, захлёбываясь тоской... Ничего, ничего он не понимал.

Утром не было сил проснуться, начать бессмысленный день, ждать вечера, идти неведомо куда. С парадником он покончил, но Лави... Потерять её из-за какой-то нелепости, из-за каких-то слов, одних только слов! Нет, она не притворялась, не мстила, не хотела помучить. Она сама мучилась – прерывая их встречу, отрывая от себя его руки, разрывая их мгновенно сросшиеся души.

– С ней что-то непонятное происходит. Плакала и всё равно уходила. Неужели из-за этого верзилы?

Прощальный взгляд Лави нескончаемо летел в душу. В нём была отрешённая скорбь, какой он ни у кого никогда не видел. И её песня, от которой сразу заныло сердце, и стало больно жить в ледяном, изуродованном мире, звучала повсюду, где бы он ни находился.

– Мы так похожи, невероятно похожи, – горевал Сва. – Она с первой встречи потянулась ко мне, не скрывая. А вчера я прямо сказал ей, что люблю. Неужели она выходит замуж? Ну, зачем, если не любит? Зачем ей этот тип? Я должен всё узнать у неё самой. Пусть считает меня мажором, дауном – кем угодно, стерплю я эту чепуху пипловую. А её всё равно буду любить. Но как сказать ей об этом? Опять идти в парадник?

Давно наступил вечер. После бесчисленных колебаний Сва понял, что другого выхода нет.

Картонная папка с тесёмками, в которой он хранил свои стихи – те немногие, что не сжёг однажды в мрачном порыве, – уже выплела за несколько лет. Всё было перемешано с машинописными перепечатками, так и оказавшимися никому не нужными.

– Несколько стихотворений десятиклассника о несчастной любви и печальной жизни. Наивные и неумелые, как первый поцелуй. Ничего не буду исправлять... Она должна понять, а если не поймёт, напишу в два раза больше других стихов – только для неё.

На остальных листках чернели неровные строчки, написанные позже. Скоропись почти забытых мыслей и чувств мгновенно занималась в сознании: «Подождите, дожди, подождите...», «Очнулись очи ночи», «Мне снится твоя ресница», «Снега талые кристаллы...» Та, для которой это было написано, через день вернула стихи, поцеловала и сказала, что больше любит кино. Наверное, тогда и началось их мучительное расставание... Да, именно так. Среди высохших до хруста страничек Сва выбрал одну и перечёл первую строку: «Листья – это птицы...» Те, что летят лишь однажды – сразу в вечность. Вспомнился первый приступ тоски, когда за одну ночь кончилась юность и наполовину рухнул мир: «Неужели никто не понимает, что смерть так близка, а жизнь – лишь несколько прерывистых вздохов?» – вновь отгонял Сва эти мучительные прозрения и удивлялся: те же мысли читал он в глубоких, будто гаснущих глазах Лави. Перепечатки он сложил в конверт и сунул в сумку – так, на всякий случай.

Аглая Соловьева

Киров

Сон

Иду по полю. Узкая тропинка.
Собаки лают. Вокруг меня хоромы водят.
Весна. На поле трава почти оттаяла
На поле сидят мертвые: Достоевский,
Толстой, Ленин
И еще несколько, имена не помню,
но в лицо узнаю.
Сидят, как будто самостоятельность
практикуют.
Построили из стульев мизансцену и поют:
«Мы люди. Мы люди. Мы живые люди».
А за мной собаки по полю идут.
Тут и проснулась.

Холодный Петербург. Он желт и гол.
На голову Деметре накинута чехол.
Густой гуашью небо, зеленым паруса.
Блаженное молчанье на полчаса

Мне дарит осень. Ветер мнет желтый лист
Осиновые дети летят на свист.
Так царственно и просто. Сверну во двор.
Невысохшая простынь. Кривой забор.

На лавочке мещански играют в вист
Собака просит ласки – почти артист
Ей дам кусочек булки – и со двора
И вслед завоют гулко колокола.

Павел Пушкарёв

На стене в старом доме висела картина,
И на ней нарисованы были цветы.
Под картиной картинно сидела Марина
Иванова. А рядом пристроился ты.
Патефон издавал заунывные звуки.
Ты потягивал вермут, Марине читал
Достоевского, грел ей колени и руки,
А потом как мальчишка её целовал.
Ты впивался ей в шею как будто пиявка,
И оттуда умело высасывал кровь.
У Марины на шее глубокая вавка
Появилась. Такая была вот любовь.

«В лесу дремучем
Где Достоевский и Ницше
Чертей водили,
Теперь
На расчищенной мною площадке
Играют в теннис
И кувыркаются
фанерные акробаты!...»

Алексей Крученых

Петр Ильинский
Кембридж, США

ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО

«Зимние заметки о летних впечатлениях» — сто пятьдесят лет спустя

Иногда бывает так, что умный русский человек возьмет, да и напишет что-нибудь не совсем соответствующее уровню его образованности и проницательности. И непонятно, вроде бы такой серьезный господин, а вот... И еще — этот милый человек с необычной точкой зрения бывает талантливым, иначе, сами понимаете, кто бы читал его запечатленные мысли, удачные и неудачные. Скажем прямо, в центре циклона часто стоит великий русский писатель, потому что более ничьи интеллектуальные дерзости нас, грешных, не интересуют и интересовать не могут. Чье ж внимание могут захватить рассуждения политиков или политологов времен Очакова и покоренья Крыма!

Великих русских писателей со странными мыслями ровно столько же, сколько великих русских писателей, ибо все они — люди, со страстями и интересами. И все стали великими, сочиняя прозу, но одновременно, подгоняемые теми или иными желаниями, творили, как говорили в недавнюю эпоху, в публицистическом жанре.

Здесь перед встают, как заметил один автор, вопросы, вопросы... В самом деле, да один ли и тот человек писал сию, в лучшем случае необыкновенно наивную, а в худшем — поверхностную эссеистику и сочинял «Ревизора», «Идиота», «Анну Каренину»? Разные, отвечает некая критическая школа, у классиков в жизни были периоды, мы об этом подробно изложили в недавней монографии, один был умнее в молодости, другой в старости, у третьего все шло по сценарию. И не путайте, добавляют другие, публицистику с художественными произведениями упомянутых титанов, которыми они вошли в золотую сокровищницу, и далее по тексту.

Получается изрядное преткание. Во-первых, мы достоверно знаем, что эти опусы очень разного качества сочинили одни и те же физические лица, во-вторых, известно нам, что почти те же самые мысли оные лица выражали и в некоторых своих беллетристических творениях, но там они, что ли, не щипко выпирают. А иногда и совсем не выпирают. Вот здесь бы и успокоиться, потому что странные тексты великих писателей читают в лучшем случае сотни, а их главные произведения — сотни тысяч (не будем замахиваться на большее, по нынешнему-то времени). Кому нужны несообразные думы человека-памятника, кроме литературоведов и биографов?

Но есть исключение — когда эти мысли используют. Либо для того, чтобы унижить гения: смотрите, какой он, вовсе не гений, а пустозвон, чтобы не сказать болван. Либо для того,

чтобы выдать философские грехи классика за великие истины: это же гений (наш гений — подразумевается в скобках) и смотрите, вот, что он говорит. Вы удивлены, вы об этом даже не задумывались, вы хотите еще раз взглянуть на обложку и сверить цитату? Сомнений нет, это он — наш гений, и это — именно то, что он имел в виду. Поэтому немедленно меняйте свою незрелую точку зрения. Да-да.

Тут, конечно, с Достоевским никому не сравниться. Потому его столь часто используют и клянут. Чего только Федор Михайлович не высказал в письменном виде, каких гор не наворотил! (Солженицын с Толстым, что называется, нервно курят у ковра). Подробно перебирать эти материи — оставим специалистам, а сейчас попробуем проанализировать, пусть поверхностно, эмоции, питавшие нашего автора. Автор-то уж больно хорош, с этим почти никто не спорит, а вот владевшие им иногда эмоции... И главное — до сих пор те же чувства посещают авторов (и не авторов) калибра гораздо меньшего, вследствие чего они неизбежно привлекают суждения Достоевского в качестве доказательства своих собственных умозаключений.

Скажем вот, отношение к Европе (или Западу в целом, на который все старинные инвективы о Европе с легкостью переносятся). Как-то всегда мысль о соседней и родственной цивилизации мучила русского человека, и величие тому не преграда — великих она тоже мучила. Какой-то прямо удивительный след оставил Запад в русском духовном наследии (ведь никто не сомневается, что Достоевский — это наше кровное духовное наследие?).

Суммировать легко. Первое путешествие Достоевского в Европу имело место в 1862 г. и привело, в частности, к написанию несколько необычного, как сейчас бы сказали, травелога, известного как «Зимние заметки о летних впечатлениях». Читать его интересно, особенно потому, что, несмотря на большое количество пронизательных замечаний по второстепенным аспектам жизни тогдашней Европы (в основном, Франции и Англии, в меньшей степени — Германии), там нет почти ничего точного или достоверного касательно главнейших черт культурного, политического и духовного развития означенных стран. Заметим, что высказанные в «Заметках» мысли автор в дальнейшем отнюдь не дезавуировал. Наоборот, включил этот достаточно злободневный текст в вышедшее несколько лет спустя собрание сочинений, а насчет дальнейшего — см. «Дневник писателя» и прочие статьи 1870-х годов, где что ни открой в зарубежном разделе, получится перл. То «Англия стала смотреть на наши успехи в Азии с несколько большей нам

доверчивостью (1874), то «уже не мечтательно, а почти с уверенностью можно сказать, что даже в скором, может быть ближайшем, будущем Россия окажется сильнее всех в Европе» (1876).

Делать полный реестр бессмысленно, остановимся лишь на двух-трех пунктах. Автор «Заметок» доказывает кому-то, что в Европе вовсе не так все хорошо со свободами, как (опять-таки кому-то) кажется. И слежка существует во Франции, и обязательная регистрация приезжих, и пресса, стреноженная до четких рамок, и парламент послушный (напоминает эта не без известной проницательности нарисованная картина нечто вполне современное и не очень французское). В отношении Англии автора потрясает бездушность и механичность явленных ему достижений тамошнего научно-технического прогресса. И еще – очень он озабочен, как тогда говорили, проблемой пола. Везде в западном мире творится разврат, иногда слегка продажный, как во Франции («парижанка создана для любовника»; «браки по любви становятся всё более невозможными и считаются почти неприличными»), иногда откровенно рыночный, как в гиперкапиталистическом Лондоне (хотя и парижские торгаши досадили нашему путешественнику преизрядно). Автора прямо тянет в места, где он может набраться соответствующих впечатлений: «Кто бывал в Лондоне, тот наверно, хоть раз сходил ночью в Гай-Маркет. Это квартал, в котором тысячами толпятся публичные женщины... Даже жутко входить в эту толпу». Значит, вошел. «Просмотрел [я] в иных местах такие вещи, что даже стыдно сказать. И в Париже просмотрел». И там – вошел.

Фотограф Джон Томсон.
Уличная жизнь Лондона в 1876-м году.

Даже рабство в отделившейся тогда от США южной Конфедерации не забывает великий писатель – почти как собор Тасс.

Объяснение лежит на поверхности. Конечно, адресатами этих посланий являются российские либералы, считающие, что на Западе (в Европе) все хорошо. Так вот, доказывает бывший обитатель «Мертвого дома», – не всё. И готов даже за своими инвективами о рабстве забыть о том, что приехал из страны, отменившей крепостное право только год назад. Поэтому в «Записках» нельзя найти ничего про английский парламент (он-то был вовсе не карманный), про механизм устройства Швейцарской Конфедерации, про научные открытия, переворачивавшие тогдашний мир и приходившие именно из тех стран, которые посещал Достоевский. Нет ничего о великом перевороте Реформации и Возрождения, создавшего те великие культурные ценности, которые он все-таки, подобно каждому послушному туристу обозревал. Или не обозревал, чтобы не входить в духовный соблазн? «Я был в Лондоне, ведь не видал же Павла. Право, не видал. Собора св. Павла не видал». Ни слова о флорентийских и венецианских чудесах, созданных многовековым трудом граждан свободных республик.

Кстати, о братских христианских религиях Достоевский отзывался в высшей степени бранчливо и оскорбительно: «Католический священник выследит и вотрется в бедное семейство... делается другом дома и под конец обращает всех в католичество... Англиканский же священник не пойдет к бедному. Бедных и в церковь не пускают...» Это мнение, кстати сказать, тоже временем и опытом скорректировано не было. Доверимся Н.С. Лескову: «Достоевский... говорил то, что говорят и многие другие, то есть что православие есть вера самая истинная и самая лучшая», притом что «знал священное писание далеко не в [высокой] степени, а исследованиями его пренебрегал и в религиозных беседах обнаруживал более страстности, чем сведущности». Вот прекрасное определение писаний великих русских сочинителей о предметах, которые они не разумеют: страстность – есть, а сведущность хромает. Но коли в наличии страсть и талант, то в результате получается долгоиграющая конструкция – и все равно помноженная на отсутствие сведущности, даже если дар божий позволяет автору что-то, не понимаемое им напрямую («по-английски я не знаю ни слова»), почувствовать или угадать. Как ни крути – в сумме получаются сапоги всмятку, только из самой лучшей кожи, хорошо проваренные и политые каким-то небесным соусом. Есть их все равно невозможно, только облизывать.

В произведениях художественных Запад (на котором Достоевский в общей сложности провел несколько лет) становится праздным Рулетенбургом («Игрок»), местом лечения и успокоения (Швейцария в «Идиоте») или отдыха проигравшихся петербургских шалопаев, вовлеченных в некрасивые истории (Эмс в «Подростке»). С Европой всегда связано что-то несимпатичное, исчерпанное. Достоевский-романист терпеть не может Запад – там живут только рус-

ские бездельники и русские неудачники. И живет там сам, неустанно работая, да и, как теперь выяснилось, когорте неудачников тоже не принадлежа. Но он не любит Запад еще с первой своей поездки. А за что его, спрашивается, любить? Там же нет ничего хорошего, одна страсть к наживе.

Автор «Заметок» проходит мимо гордой самодостаточности швейцарских и итальянских коммун (спустя несколько лет «Идиот» был полностью написан в Швейцарии и Италии, такова ирония истории). Издеваясь над французским буржуа, который больше всего на свете мечтает увидеть море («voir la mer») и так любит «se rouler dans l'herbe» (по-валяться на траве), демонстрируя единение с природой, наш едкий наблюдатель вовсе не обращает внимания на совершившуюся на его глазах революцию в живописи, наступающую эпоху «Dejeneur sur l'herbe» – «Завтрака на траве», написанного именно в 1862–63 гг. Вот о французском буржуа, который больше всего любит ездить за город и на отдых к морю хочется сказать особо, но только после почтительного реверанса в адрес беспощадной критики, которой автор «Записок» подвергает французский бульварный театр. Ни один обозреватель современных российских мыльных опер не написал ничего более точного. Вывод прост – жанр этот низок, в истории культуры не остается, но умирать не собирается. Да и как могут умереть бесконечные варианты бессмертного сюжета: «Вдруг оказывается, что [герой] вовсе не сирота, а законный сын Ротшильда. Получаются миллионы. Но Гюстав гордо и презрительно отвергает миллионы». Или: «Сесиль, разумеется, по-прежнему без гроша, но только в первом акте; впоследствии же у ней оказывается миллион». Постойте, вдруг закричит внимательный читатель, я это уже где-то видел, я помню! А как же-с, сказал бы г-н Лебедев, конечно, видели-с. «...Это того самого Семена Парфеновича Рогожина, потомственного почетного гражданина, что с месяц назад тому помре и два с половиной миллиона капитала оставил?» И страниц через сто с лишком: «Поздравляю вас, князь! Может быть, тоже миллиона полтора получите, а пожалуй что и больше. Папушкин был очень богатый купец». Наследство, одно, второе, миллионы, роковые женщины, растление, убийство – не зря из «Идиота» вышел столь популярный сериал.

Но дело в том, что «Идиот» – не мыльная опера, и не драма Викторьена Сарду, а великая книга, до сих пор еще не прочтенная и не понятая, и к ней можно приложить слова самого Достоевского, сказанные о «Дон-Кихоте»: «Это пока последнее и величайшее слово человеческой мысли... и если б кончилась земля, и спросили там, где-нибудь, людей: «Что вы, поняли ли вашу жизнь на земле и что об ней заключили?» – то человек мог бы молча подать Дон-Кихота». Или «Идиота».

В 1943 году, во фронтовом письме, говоря о смерти своего брата, только что погибшего на Курской Дуге, дед автора этих строк упоминает «вопрос Ивана Карамазова» и на собственном опыте свидетельствует, что «подавление темной силы возможно только путем зла».

И тут же пишет о том, что недавно ему «подвернулся в

руки «Идиот». И далее: «Я перечитал его дважды и как мне кажется, многое в нем понял. Понял значение многих тем; затрагиваемых в романе, как развитие одной и главной темы... Почему в «Идиоте» речь идет об эпилепсии? ...Это связано с темой синтеза, гармонии, которой посвящен весь роман. Мышкин задуман: свет, гармония, синтез наступают, как результат болезни, припадка, т.е. этот высший момент жизни духа является следствием болезни, следствием «низкого», «животного», «материального» состояния. Но что из того? Важно, что синтез все-таки наступает».

Важно, пишет офицер Красной Армии 1943-го года, что синтез все-таки наступает. Сто пятьдесят лет назад, работая над «Заметками», Достоевский находит неожиданную формулу, много более важную, нежели его свидетельства о Европе: «Напротив, говорю я, не только не надо быть безличностью, но именно надо стать личностью, даже в более высочайшей степени, чем та, которая теперь определилась на Западе. Самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы... Сильно развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, уже не имеющая за себя никакого страха, ничего не может и сделать другого... как отдать [себя] всю всем, чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями». Именно эти слова давно рассматриваются, как момент возникновения образа князя Мышкина. Только вот что добавляет такой непрозорливый Федор Михайлович: «Беда иметь при этом случае хоть какой-нибудь самый малейший расчет в пользу собственной выгоды». И тут же замечает, что «сделать [этого] никак нельзя», иначе как каждая личность добровольно откажется от каких-то своих прав в пользу общины, а община, наоборот, их не примет, говоря: «Возьми же все и от нас. Мы всеми силами будем стараться, чтоб у тебя было как можно больше личной свободы... Никаких врагов, ни людей, ни природы теперь не бойся». «Эка ведь в самом деле утопия, господа!» – присовокупляет еще классик, думая, что тут-то он точно-уел российских позитивистов (и иноземных тож), не подозревая, что только что изложил идеал любого разумного общества, того самого, на пути к которому Запад в последние двести с лишком лет продвинулся ближе, чем любая другая земная цивилизация.

И не увидеть ему из полуторасотлетнего далека, что первым признаком того, что российское общество сделало чуть уверенный шаг на том же самом длительном пути, будет желание мало-мальски зарабатывающего соотечественника Фёдора Михайловича немного se rouler dans l'herbe, ну а также, естественно, съездить к морю. Свобода личности, удивительным образом, наступает после валяния на траве, а не наоборот, такие, понимаете ли, правила у подлунного бытия.

Хотя не так все гладко на этом самом цивилизационном пути, случаются и тернии. Автор «Заметок» откуда-то знает, что московские персонажи после бала у Фамусова

обязательно отправляются на закат. «Любят у нас Запад, любят, и в крайнем случае, как дойдет до точки (курсив мой – П.И.), все туда едут... Поколение Чацких обоего пола размножилось там, подобно песку морскому, и даже не одних Чацких: ведь из Москвы туда они все поехали. Сколько там теперь Репетиловых, сколько Скалозубов, уже выслужившихся и отправленных к водам за негодностью... Одного Молчалина нет: он распорядился иначе и остался дома, он один только и остался дома (курсив мой – П.И.). Он посвятил себя отечеству, так сказать, родине... Фамусова он и в переднюю теперь к себе не пустит».

Ах, какая музыка для современного читателя, ни слова лишнего – и ведь это пишет русский консерватор! Посещает крамольная мысль – может, русскому, да и всякому писателю, надобно писать только о предметах, которые он знает, и тогда настанет литературный рай? Зачем ему Запад, зачем Фёдору Михайловичу Европа, которую он не любит, даже когда в ней живёт? Которую не замечает, считает небылью, наваждением. И себя в ней – тоже не любит.

И всё это, и вся эта граница, и вся эта ваша Европа, всё это одна фантазия, и все мы, за границей, одна фантазия... помяните мое слово, сами увидите!» – Достоевский напишет последние строки «Идиота» 29 января 1869 года во Флоренции. По ту сторону Старого Моста, у дороги к особняку Питти, в городе, по словам поэта, «славном не меньше тех же Афин», удивительном «государстве ткачей, шерстяников и красильщиков», который создал половину западной культуры и который великий писатель западной же (но и русской тоже!) цивилизации предпочел не заметить, а точнее не мог заметить, связанной каторжной работой («уж год почти, как пишу 3½ листа каждый месяц»), законченной отправкой последнего фрагмента романа в «Русский вестник» с обыкновенным для него опозданием. Цивилизация же не поставила это автору в упрек, а перевела его книги сначала на французский (для увеселения тех самых

bourgeois, которые так любят voir la mer, а заодно почитать на пляже увесистый русский роман), потом на остальные языки континента, а еще спустя некоторое время повесила во Флоренции памятный знак на итальянском наречии (значит, для своих). Дескать, в этих местах (точнее, а здешних окрестностях, «questi pressi» – похоже, дом не сохранился, да и знает ли кто, где была эта съёмная квартира?), Фёдор Михайлович Достоевский на рубеже 1868-1869 гг. закончил роман «Идиот». Но водрузят сию табличку все-таки не где-нибудь, а на самой главной улице южного берега Арно, которую не может пройти ни один любознательный турист, американец, европеец, китаец или русский. Кстати, в травелогe 1862 г. про итальянцев нет ни одного дурного слова. Но проверяли ли это во флорентийской мэрии? Макиавелли обязательно бы проверил и одобрил земляков. Старик знал силу слов и знал, когда они становятся поступками.

Мы читаем и чтим автора «Идиота», а не «Заметок». Проблема Достоевского (а проблема ли?), что без «Заметок» не было бы «Идиота». Или он был бы совсем другим. Как написала спустя почти целый век одна санкт-петербургская дама, «когда б вы знали, из какого сора»... Вот из такого.

Как хорошо, когда этот сор включает не только сибирскую каторгу, но и заграничные путешествия.

2012

«Романы Достоевского – бурлящие водовороты, самумы, водяные смерчи, свистящие, кипящие, засасывающие нас. Душа – вот то вещество, из которого они целиком и полностью состоят. Против нашей воли мы втянуты, заверчены, задушены, ослеплены – и в то же время исполнены головокружительного восторга. Если не считать Шекспира, нет другого более волнующего чтения. Мы открываем дверь и попадаем в комнату, полную русских генералов, их домашних учителей, их падчериц и кузин и массы разношерстных людей, говорящих в полный голос о своих самых задушевных делах. Но где мы?... Никто и не думает объяснять. Мы – души, истязаемые, несчастные души, которые заняты лишь тем, чтобы говорить, раскрываться, исповедоваться обнажать, пусть вырывая их с мясом и нервами, те душераздирающие грехи, которые кишат в глубине нас. Но по мере того как мы слушаем, наше замешательство понемногу рассеивается. Нам протянули канат, мы ухватились за монолог; брошенные в воду, мы едва держимся на поверхности; лихорадочно, неистово устремляемся мы все дальше и дальше, то погружаясь с головой, то в момент озарения понимая более, чем когда-либо раньше, и делая такие открытия, какие обычно возможны лишь в гуще жизни во всей ее полноте... Нет четкого разделения добра и зла, к которому мы привыкли. Часто те, к кому мы испытываем наибольшую симпатию, величайшие преступники, и самые жалкие грешники вызывают в нас сильнейшее восхищение и любовь».

Вирджиния Вульф «Русская точка зрения»

Андрей Цуканов
Людмила Вязмитинова
Нью-Йорк, США

Достоевский на Барбадосе

Мой муж, частный детектив Майкл Горбов, любитель вкусно покушать и кухонных дел мастер, согласился покинуть нашу нью-йоркскую квартиру (со специально оборудованной кухней) ради недельного отдыха в бывшей британской колонии, а ныне государстве Барбадос на одном из островов на востоке Карибского моря, на весьма определенных условиях. В номере гостиницы наряду с мощным кондиционером и прочим, нормальному номеру положенным, должны быть пусть и небольшая, но удобная кухня и большой балкон, на котором стоял бы обеденный стол. И гостиница не должна быть удаленной от местного рыбацкого рынка.

Три дня мы попеременно наслаждались нежной водой ослепительно голубого тропического океана и нежным вкусом свежельвленной рыбы, покупаемой и приготовляемой лично Майклом. Меч-рыба, марлин, желторыбица, тунец, летучая рыба – все это просто таяло во рту, а местное пиво оказалось превосходным. Майкл даже обнаружил ранее несвойственную ему склонность к тому, что он назвал опрощением: рыба готовилась с минимальным количеством соли и оливкового масла и подавалась без гарнира и приправ – чтобы сохранить природный вкус.

На четвертый день идиллия дала трещину. Поднимая с пола груды рекламных проспектов, случайно обрушенную Майклом в ходе выноса на балкон подноса с рыбой, я увидела снимок огромной черепахи с лапами. И на следующее утро мы сидели внутри кабины катамарана, отплывающего с группой экскурсантов в сторону заповедных вод, в которых плавают эти самые черепахи. Майкл заботливо устроил в нише под сиденьем пакет с сэндвичами (чтобы обезопасить нас от подаваемой на подобных прогулках пищи, он встал в несусветную рань ради приготовления огромных сэндвичей с рыбой) и задумчиво произнес: «ОК, западная культура поехала на Достоевском. Все же плавсредство – явный перебор. Надеюсь, это не скажется на качестве нашей прогулки». Я недоуменно посмотрела на него, и он указал на ближайший спасательный круг. На нем было написано «Dostoevsky».

Интуиция моего мужа – вещь серьезная. Но все настаивало на радости бытия: ветер, солнце, океанский простор, апельсиновый сок со льдом. Я отмахнулась от сосредоточившегося на реестре подаваемых коктейлей Майкла и сквозь широко открытые окна глянула прямо по курсу. Вместо разбивающихся о нос яхты волн там обнаружилась группа успешных раздетых до купальников сотоварищей по экскурсии. Расположившись прямо на палубе, они отдавали себя во власть ветру и плавающему зенит июньскому тропическому солнцу. Однако! Тем не менее, очень скоро мы с Майклом остались в одиночестве, и перед нами, как на экране, заслоняя океан и береговую линию, стала разворачиваться картина жизни собранного случая общества. Я пыталась смотреть на береговые пейзажи, но глаза невольно обращались в сторону весьма колоритной пары.

Она – особа чуть меньше сорока, стройная, смуглая, но явно белой расы, весьма уверенная в себе, но вполне симпатичная, хотя и немного комично изображающая из себя секс-бомбу. Он – около двадцати пяти, красивый мулат с печальными глазами на интеллигентном лице, стройной фигурой и пышными волосами, заплетенными в косички, перехваченные яркой лентой и каскадом спускающиеся по спине. Дама постоянно посылала своего кавалера в каюту то за тем, то за этим, и он послушно искал требуемое в лежащих под сиденьями сумках. Один раз он, извинившись, потревожил жевавшего сэндвич Майкла, и они перекинулись несколькими фразами – что-то о Бостоне и

студенческом клубе. Звали его, судя по окликам дамы, Анастасио Фелипе.

Мне, наконец, удалось сосредоточиться на пейзажах, как вдруг Майкл, пробурчав что-то о женской природе, толкнул меня в бок. Я посмотрела в сторону нашей пары, которая, оказывается, успела разъединиться. Оба были заняты оживленной беседой, она – с дамой лет пятидесяти, светловолосой и белокожей, он – с ее сыном, веселым, нагловатым парнишкой лет пятнадцати. Эта пара прибыла в порт перед самым отплытием, и когда они поднимались на борт, я заметила, что, увидев Анастасио, женщина задержала на нем взгляд, а он резко отвернулся. Я еще подумала, что она положила глаз на красивого молодого человека, а он полагает, что одной спутницы в годах ему достаточно.

Дамы полностью завладели вниманием друг друга и говорили как заведенные. При этом подруга Анастасио своим телом прикрывала его от довольно-таки хищного прищуривания своей собеседницы. «Отвлекает, почуяв опасность», – резюмировали мы с Майклом. Тем временем катамаран остановился – мы прибыли к черепахам, и все двинулись в сторону спуска в воду. Помогая мужу застегнуть спасательный жилет, я вдруг поймала полный боли взгляд Анастасио. Повернув голову, я увидела, что он смотрит на поблескивающий затейливым узором браслет на левой руке мальчика. Но тут мне стало не до чужих проблем: Майкл плюхнулся в воду, и жилет оказался-таки перекошенным.

Я поплавала рядом с одной черепахой и даже потрогала ее панцирь. Не испытав ничего особенного, я рассказала Майклу про браслет. Он кивнул и заговорил о том, что черепахи ассоциируются у него со «старухами-процентщицами». Его монолог был прерван криком о помощи, и с борта катамарана в воду прыгнули два матроса. Когда мы поднялись на борт, темнокожая команда «Dostoevsky» хлопотала над сидящим в каюте мальчиком, рука которого была в крови. Рядом стояла мать, в ее лице не было ни кровинки. Как выяснилось, парнишка умудрился попасть в группу черепах, и его слегка затерли. Ничего страшного: испуг и порез на руке, по всей видимости, кусочком коралла.

Расстроенный капитан недоуменно пожал плечами: «Такое впечатление, что их прикормили. Однако мы все делали по инструкции. Может, кто-то до нас? Первый случай за много лет». Он повернулся к матери мальчика: «Вы, миссис, имеете право подать жалобу». «Претензий не будет», – резко ответила она. «Порез не опасный, – сообщила я припозднившемуся из-за возни с жилетом Майклу, – но похоже, что на ладони останется шрам».

«Шрам? – вдруг оживился он, – на какой руке?» – «На правой, а что?» – «А то, что у Анастасио шрам на ладони правой руки. И браслет, конечно, пропал?»

Вскоре мы легли на обратный курс, а через полчаса подали ланч. Майкл достал свой пакет и удивленно застыл над ним: там лежал только один сэндвич. Я взглянула под сиденье, пошарила там рукой, но Майкл ласково усадил меня, развернул сэндвич, и, пробурчав, что вот теперь все ясно, потом поговорим, пошел за коктейлями.

В порту Майкл подошел к уже усадившему свою даму в такси Анастасио и отвел его в сторону. «Извольте просветить меня относительно некоторых обстоятельств, связанных с происшествием с черепахами, – услышала я, – тем более что оно коснулось лично меня. Я не моралист, и не считаю, что дружба с дамой в годах – недопустимый для молодого человека способ заработать на жизнь и учебу. Но здесь речь идет о подростке, и я жду от вас разумного объяснения».

Муллат поднял на Майкла красивые печальные глаза: «Простите за сэндвичи, они удачно подвернулись. Мальчик... я был примерно в том же возрасте, когда Атанаси, то есть миссис Точки, его мать... мой шрам – память о ней... она...». – «Я понял, – прервал его Майкл, не надо подробностей. А браслет? Наверно, от отца?» – «От дедушки. Я не мог упустить случай забрать его». – «Он при вас?» – «Нет, в океане. После всего...» – «Я понял, – опять прервал его Майкл, – и вы решили внести корректировку в ее память о вас. Не беру на себя смелость судить о допустимости ваших действий, тем более что в сущности вы мне симпатичны. И последний вопрос: это не мое дело, но ваша нынешняя подруга...» – «О, – пришла очередь Анастасио прерывать Майкла, – мисс Маус – хороший человек. Она многого не понимает, но мы дружим. Она тоже из Бостона, успешный менеджер».

Майкл сделал вежливый полупоклон в сторону мисс Маус и, махнув рукой ближайшему таксисту, назвал адрес рыбного рынка. Сидя в такси, я думала о женщине, прошлое которой проявилось на руке ее сына, и о лежащем на дне океана загадочном браслете, над которым плавают «старухи-процентщицы», вовлекаемые в круговорот человеческих страстей. Майкл прав: кто же называет плавсредство «Достоевский»?!

Алексей Малащенко

ОТЦЫ И ДЕТИ И ВНУКИ

Однажды в 1922 г. Ленин прищурил глаза: – Хорошо, я придумал, Феликс Эдмундович. Философски придумано. Я бы сказал, исторически. Не всех же этих интеллигентов сажать. Пару другую сотен можно посадить на поезд, нет лучше на кораблик и отправить куда подальше, за границу. Пусть там и болтают, разлагают.

– Верно, Владимир Ильич, гениально придумали. А кто не захочет уезжать, то можно и расстрелять...

– Да-да-да. И широко это обнародовать.

– А какой это бесценный опыт для будущих поколений. Как он пригодится для тех, кто будет достраивать, можно сказать, модернизировать нашу великую страну.

И оба радостно засмеялись.

Интеллигентов посадили на пароходы и выслали. Спустя сотню лет опыт пригодился.

Провожать отца в Северный Речной порт Сережа пришел с сыном Арсением, молодым, но уже известным портретистом. Оба были в рыжих вельветовых джинсах и с зонтиками. Дочь Маша не пришла. Она обожала деда, но муж Маши, служащий начальником департамента в Министерстве охраны национальных ценностей, позвонил Арсению и попросил его отговорить сестру приходить к деду. Мужу, здоровому умному мужику, светило замминистра, а торжественные проводы жениного деда были не лучшим аргументом в пользу нового назначения.

Маша и ее муж попрощалась с дедом в китайском ресторане «Сычуаньское чудо» возле метро «Новослободская».

Маша плакала. Дед молчал. Заказали шампанского и полбутылки водки. В свои 27 Маша пить не умела. Машин муж не пил. То есть он пил, дома и много, но только когда оставался совсем один. Маша любила мужа, муж обожал Машу, оба любили отца и тестя Сережу. Дед же был для них монументом.

На пристани Сережа держал за руку Арсения. Другой рукой он обнимал за плечи отца, восьмидесятилетнего старца, автора кучи книг, стоявшего между черными чемоданами и смотревшего на вокзальный шпиль. Николай Иванович, полтора года назад узнавший, что болен раком, уезжал в

Швецию. Уезжал навсегда, которое должно было продлиться ну два, ну три года. Так ему пообещали российские врачи из Рублевской больницы, и с этим согласились финские доктора, два месяца тому назад приезжавшие на Международный онкологический конгресс.

Хотя жить «совести новой России», как последние годы именовался Николай Иванович на интернетовских сайтах, оставалось немного, но все равно от него решили избавиться. Он был не один такой: вдоль борта теплохода «Александр Солженицын» окруженные семьями прогуливались известные личности, среди которых один уже неузнаваемый бывший телеведущий, высохший рок-певец. Выделялся стабильно в красном свитере прозаик Персоницын, время от времени вздымавший кулак и вскрикивавший «я еще вернусь».

– Этот вернется, – сказал Николай Иванович, – обязательно вернется. Он и уезжает, чтобы вернуться. Этой суке пообещали – вернется, когда раскается. Затем туда и едет. Потому и орет.

– Зачем ты его так, папа?

– Затем, ребята, – Николай Иванович кивнул сыну Сереже и внуку Арсению, – затем, что я прав. И ты, он кивнул уже одному Арсению, ты это еще увидишь, а ты, Сережа, слава богу, нет.

– Почему?

– Потому что староват. Мы с тобой из другой эпохи.

Николай Иванович в очередной раз полез в нагрудный карман, вытащил оттуда опутанную посеребренной тесьмой фляжку «Москворецкой» – подарок на 80-летие от Высшей школы национальной психологии, которая последние пять лет проводила свои семинары в кафе возле Белорусского вокзала, глотнул и изрек:

– Сын, внук, – если хотите остаться здесь нормальными, больше пейте. Или... или поехали со мной.

«Александр Солженицын» загудел, дед пьяно пошатнулся и похлопал себя по карману.

– Папа, – Сережа покачал головой. – Папа, вокруг же журналисты, ты же не... хрен собачий, вырвалось у него. – Ты ж «совесть...».

Сережа было стыдно. Арсению – нет.

– Папа, деда, – да не стесняйтесь вы. Поругайтесь вы, он выбирал слово, – родственники вы мои, прилюдно, скажите, вашу мать...

– Арсений, – сказал Николай Иванович, – теперь прилюдно ругаться уже бесполезно.. Я когда-то пытался говорить прилюдно, меня целых три раза на какой-то птичий телеканал пускали. Ты меня смотрел? Ты их, – он махнул головой на топтавшихся возле теплохода людей, – читал? Когда я тебя просил их прочесть, ты смеялся?

– Деда, я был дурак.

– Отчего ты поумнел? Или ты просто хочешь доставить мне удовольствие своим интересом к нам? Мы уезжаем. Знаешь, это уже однажды было, когда уезжали, когда отплывали.

– Хватит, папа, – оборвал Николая Ивановича Сережа. – Хватит. Формально ты отправляешься по собственной воле. Можешь и остаться.

– Это ты здесь можешь оставаться, сынок. Дай поговорить с внуком.

Мимо них прошел совсем пьяный седой старик в шортах до колен. Он остановился, качнул нелепой головой с невероятных размеров потным лбом и изрек:

– Что, Николаша, тоже «заговорил волк человеческим голосом»? – Старик плюнул и пошел дальше.

– Чего это он, деда?

– А то Арсений, что он раньше всех предупреждал, что все этим и закончится. А я, старый мудака, ему не верил. Все думал, образумится.

– Деда, а почему вы мудаками были?

– Арсений, – влился Сережа, – оставь дедушку...

– Нет, внук, – громко сказал Николай Иванович, – не оставляй нас, никогда не оставляй, не забывай. Если и ты нас забудешь, то больше уже ничего не будет.

– Папа, – застонал Сережа, – папа, хватит.

– Я-то уеду, – упорствовал тот. – Я-то умру. А ты, сынок? В твой полтинник, ты кем останешься? Маша вон не пришла из-за мужа. Тебе не противно? Мне жалко. Я хреновая со-
весть хреновой нации...

– Папа, слышат ведь, пишут они, а мы остаемся...

Дед, отец и внук замолчали.

Австрийской сборки «Александр Солженицын», красно-бело-голубой, элегантный, прижимался к набережной. Он казался ее частью, ее архитектурным завершением. Над палубой медленно вращалась белая квадратная «труба». Так торжественно вращаются бетономешалки. В «трубе» был устроен ресторан, и каждый, кто приходил поужинать, успевал несколько раз повернуться и полюбоваться берегами Канала имени Москвы, а потом российскими водохранилищами, а в конце – Онегой и Ладогой.

На «Солженицыне» катали зарубежных гостей, внесших особый вклад в развитие России, бизнесменов-государственников, особо заслуженных учителей и врачей. Для последних пели народные хоры.

Сегодняшний круиз «Солженицына» именовался «Национальное достояние». На теплоход грузились историки, фило-

софы, психологи, специалисты по нанотехнологиям и даже несколько астрофизиков (последние попали по ошибке, ибо их перепутали уфологами).

Провожали с оркестром, который как все последние 100 лет играл при отплытии «Прощание славянки». На этот раз был не диск, а живая музыка. Какой-то отчаянный начальник решил выказать уезжавшим вот такую неслыханную дань уважения. Музыканты старались от души. Отъезжающие время от времени подносили бутылки дирижеру, и тот в паузах разливал жидкость своим трубачам.

В Санкт-Петербурге пассажиров пересаживали на шведский корабль «Густав». Билеты на «Густав» пассажиры «Солженицына» покупали за свой счет. Вскоре стало известно, что шведы вернут их стоимость. «Густав» развозил пассажиров по Скандинавии.

На стоянке в Угличе путешественников должны были встретить представители патриотических сил, чтобы попрощаться и еще раз выразить осуждение тем, кто уезжал, так и не поняв и не приняв новой России.

Но об этом пассажиры пока не знали.

Корабль был огромен, как сарай с окнами, как панельный дом. Он имел широкий трап-подъезд, возле которого кучковались люди – те, которые уезжали, и те, которые провожали. Провожавших было по 3-4 человека на каждого путешественника.

Попадались иностранцы, они походили на корреспондентов, да собственно, таковыми и являлись. Журналисты не задавали вопросов. Они просто спрашивали позволения постоять, послушать и, если можно, записать, о чем люди разговаривают между собой. Им разрешали.

Одна группка была побольше остальных. Стоявший в середине ее человек читал стихи. Это был известный поэт Сомов. Его не печатали, но позволяли выступать в клубах, куда его, впрочем, больше почти не приглашали. На Сомове была курточка со шнурками, которые он все время теребил. Сомову было лет сорок, выглядел старше. Возможно, от того, что совсем уж много пил и своего пьянства не стеснялся.

– «И не надейтесь, я не уеду...» – донеслось до Арсения.

– Уедет, уезжает, – сказал дед. – Да и стихи не его.

– А чьи стихи, деда?

– Высоцкого, – быстро ответил Сережа Арсению. – Ты о таком слышал?

– Конечно, папа.

Дед смотрел на Сомова: сам писал-писал, а, поди ж ты, кого запомнил.

– Здравствуйте, Николай Иванович, вы в какой каюте?

Привет, Сережа. – Возле них остановились нестарая женщина и девушка в длинной юбке. Девушка толкала перед собой тележку с тремя большими желтыми чемоданами.

– Варя, Варя, я думал тебя оставят.

Варя пожала плечами

– Все было хорошо, нормально. Потом надоело. Провела опрос, да не с теми результатами. Я им – ведь это на самом деле так, у вас же потом проблемы возникнут. А они: тебе институт дали, тебя выдающей признали? От тебя нуж-

ность нужна. Нет? – так и давай, отправляйся... исследуй еще где-нибудь

– Мама, я к тебе приеду. Не переживай. И за меня не бойся. Я ж не социолог. Я так – маникюрщица.

– Судя по тому, что супруг не пришел проводить, у него все в порядке? – спросил Сережа.

– Конечно, в порядке. Ее папе, – она кивнула на дочку, – дали кафедру... Кафедру Российского евразийства. Они там исследуют евразийское наследие второй половины XX – начала XXI веков. У него на кафедре целых пять человек.

Одетая в темно-зеленый кардиган Варя выглядела эффективнее, красивее своей дочери. Арсений украдкой поглядывал на мать. С большим приподнятым воротником, она походила на фею. Варя перехватила взгляд молодого человека и чуть покачала головой.

– А меня не пугали, мне посоветовали поехать, – сказал Николай Иванович. – Правильно посоветовали. Так мне и надо.

Слушая отца, Сережа вспоминал, как все было. Советовать пришли домой – два приятеля и еще один человек из парторганизации Института. Сергей хотел уйти, но отец попросил его остаться. Гостям было неприятно говорить. Они могли прийти одни, без представителя, тем более, что решение «О совершенствовании патриотического воспитания общества и о преодолении имевших место искажений» было принято давно. Список лиц, под него подпадавших, также был известен. Некоторые, в этот список вставленные, уже успели раскаяться. Попадались и такие, которые за считанные недели, доказав свою преданность, даже пошли на повышение.

Николай Иванович доказывать ничего собирался.

Партийный человек в узком галстуке глядел в пол, между говорившими. Его миссия заключалась в присутствии. Человеку было немного обидно, что довольно быстро его просто-напросто перестали замечать. Но он делал свое дело и делал его хорошо.

Он вздрогнул лишь раз, когда один из стариков сказал:

– А оно и лучше, Коля, что ты из этого дерьма уезжаешь. Считай, что они тебе подарок делают. Все, что хотел, ты написал. Сказал. Ты ж туз, даже если и не здесь... А университет... Ну что университет. Тебя ж твои студенты давно боятся. В смысле хорошие студенты. Вот ты им говоришь что-нибудь, особенно после лекции в коридоре. А потом, представь, их вызывают и спрашивают «что он вам говорил?». Что им делать.

– Честно говорить, – что я им говорил.

Представитель заерзал, но встретившись с глазами с Сергеем, успокоился.

– Ладно, ребята, сказал Николай Иванович и встал со своего мягкого, обтянутого потрескавшейся коричневой кожей кресла. – Ладно, ребята. Вы свою миссию выполнили. Переходим к неофициальной части?

Представитель поднялся.

– Да оставайтесь вы тоже, ради бога, не бойтесь.

Представитель помялся. Он хотел, чтобы его отпустили, чтобы он не присутствовал на неофициальной части, чтобы

потом ее не пересказывать. Несмотря на партийность, он был человеком порядочным. Сережа это понял.

Он вышел вместе с представителем и уже в коридоре, сказал:

– Пошли на кухню, там водка холодная.

Представитель не отказался. В кухне с круглым на толстых изогнутых ногах столом Сережа достал две большие рюмки, разлил водку. Он открыл холодильник, достал тарелку с желтыми солеными помидорами.

Быстро выпили, Сергей налил еще, и они еще выпили.

– Не обижайтесь на нас. Нам ведь приходится...

Что приходится, представитель не сказал. Он поблагодарил и уже в дверях, протягивая руку, представился: Леонид, Леонид. Сережа протянул ему руку.

В ту весну несчастье струилось по многим квартирам. Распоряжение о закрытии Вариного центра появилось за месяц до беседы. К Варе домой не пришли. Ей в директорском кабинете объяснили, что уровень ее исследований исключительно высок и отвечает каким угодно мировым стандартам социологии. Но сейчас же главное не мировые стандарты... Вот когда страна преодолит возникшие сложности, Варины и ее коллег идеи и будут полностью востребованы. А сейчас они дезориентируют умы некоторых, особенно молодых.

Завершающая тирада была изумительна: «Вы будете приносить пользу мировой науке, некоторыми результатами которой у нас в стране тоже можно пользоваться». И далее: «Вы оказались среди выдающихся людей. Это большая честь отправиться в круиз на «Александре Солженицыне». Родина будет следить за вашими неизбежными успехами».

На пристани к Варе подбежал породистый лохматый мужик, обаяние которого портили чересчур длинные и острые уши, и быстро проговорил: «Ты не обижайся, ты же знаешь, как все на самом деле. Глядишь, может, и вернешься».

– Куда? – машинально спросила Варя.

– Сюда.

Варя хмыкнула, подняла глаза на почти красавца и попрощалась.

К корме «Солженицына» подъехала черная машина. Из нее вышел человек без шапки и поспешно пошел вдоль теплохода. Он дошагал до края толпы и остановился. Стоявшие ближе к нему люди постепенно узнавали его: бывший артист, бывший режиссер был прислан сказать им приветственное-напутственное слово. Возникло чопорное молчание.

– Сегодня, провожая вас, я... мы хотим вам сказать спасибо.

– Пожалуйста, Кон-дра-тий, – раздал старческий, но все еще тенористый голос, – скажи мне спасибо.

– Да, продолжил именованный Кондратием, – спасибо вам за все, что вы сделали, за ваш труд, даже если не всегда... – он запнулся, – даже, если он бывал отличен от мнения большинства. У России – разные дети. И все они хотят, чтобы ей было лучше. – Он опять замаялся, чувствуя, что говорит не совсем то, что следовало бы говорить. В спорах рождается истина. И она родилась.

Николай Иванович качнулся вперед.

– Ты чего, дедуль, ты куда?

– Никуда, Арсений, никуда, просто стоять на месте тяжело.

Две сотни отъезжающих молча слушали напутствие. Судя по мирному тону оратора, речь понравилась ему самому. Сказав еще минут на пять искренних слов, Кондратий решил закругляться. Да и молчание слушателей к этому подталкивало. «Ну вот, — развел он руками. — Вот и все. Всего вам самого наилучшего».

Наступила тишина. Чирикали воробьи, и мягко дышал «Александр Солженицын».

— А когда возвращаться? — выкрикнула Варина дочь.

— Да, когда их ждать обратно? — неожиданно поддержал ее Арсений.

Главного провожающего проинструктировали по этому вопросу.

— Мы — свободная страна. И каждый, кто хочет жить на родине, имеет право здесь жить. Но и родина имеет право на выбор. Она принимает всех своих сыновей и дочерей, но некоторым порой требуется определенное время, чтобы осознать свою принадлежность к ней, так сказать, ощутить к ней сопричастность. Я правильно говорю? — неожиданно прибавил он.

— Так когда они вернуться? — раздалось сразу несколько голосов. В негустой толпе началось движение, и несколько мужчин пробирались к говорившему.

— Я все разъяснил, друзья. Уверен, вы меня правильно поняли.

Теперь в его сторону шевельнулась уже вся толпа. Николай Иванович тоже шагнул вслед за всеми, но потом остановился. Арсений замер возле деда. За их спиной Сережа тихо переговаривался с Варей.

Теплоход задышал еще шумнее.

Кондратий нервничал:

— Друзья, со всеми было все обговорено. Вы все знаете. За вашей деятельностью вдали от родины будут внимательно следить.

— Чего ж вы боитесь? — спросили Кондратия из первого ряда. — Чего вы их боитесь? — говорил явно из провожающих. Тот, кто уезжал, спросил бы «чего вы нас боитесь?».

— Время такое. Понимаете, такое время.

— Какое такое время?

— Зачем спорить? — в голосе Кондратия появилась не то обида, не то угроза. — Не надо. Мы же договорились, — повторил он.

Но тот, неотъезжающий, упорствовал.

— Объясните ему кто-нибудь, — обратился к толпе Кондратий. — Пожалуйста, объясните ему.

Толпа безмолвствовала.

— Ну, зачем вы так? Ладно, желаю всем успехов, работы и надежды. Я ухожу.

Он повернулся и пошел к лестнице, поднимавшейся в здание речного вокзала. Возле ее ступенек он еще раз оглянулся: толпа стояла на месте. Кондратий вынул телефон, что-то сказал в него и положил обратно в карман.

Спустя минуты три с разных сторон пристани к теплоходу стала продвигаться цепь людей в серых костюмах. Шедшие впереди вели на коротком поводке небольших разномастных собак. Сверху по лестнице спускалась небольшая группа мужчин в сине-красных спортивных куртках.

Передний «спортсмен» вынул длинный, похожий на тюльпан мегафон:

— Вас просят разойтись. Отъезжающие, просим занять места в каютах.

Этот не говорил «пожалуйста» и ничего не объяснял.

— Иди, отец, — Сережа взял Николая Ивановича под руку.

Они протискивались к кораблю, провожающие не расходились, словно чего-то ждали.

Собаки время от времени потягивали, серые костюмы очень медленно двигались к толпе. Внезапно одна из собак сорвалась с поводка и бросилась вперед. Те, кто был ближе, отскочили в разные стороны, образовалась пустота. Движение к трапу убыстрилось. Люди еще не толкались, но шли, уже касаясь друг друга. Сережу оттерли от отца и Арсения, и он видел, как внук помогает деду добраться до трапа. У борта теплохода было тесно.

Сергей поднялся на цыпочки и увидел, как деда и внука буквально всасывает вовнутрь, туда, где сверкали большие люстры. Еще миг, и оба исчезли в чреве теплохода.

— Как Арсений оттуда выберется, — подумал Сергей. Следующей своей мыслью Сергей удивился: «А надо ли ему обратно? Может, пусть едет. До Питера доедут вместе. Шведы — люди отзывчивые, сразу разберутся. Пусть едет отсюда...».

— Папа! — раздалось сверху. — Папа!

Арсений не звал отца. Арсений его спрашивал.

Мысли передаются на расстоянии, если это, конечно, острые мысли. Тогда они протыкают и доходят до получателя.

Сергей помахал рукой. Внук и дед ответили ему. Возле них стояла Варя. Мимо со стаканчиком в руке пронесся уже пьяный поэт Сомов в распахнутой ветровке.

Толпа провожающих смотрелась рыхлой и безнадёжной. Большинство было без шапок, как на похоронах, — отметил Сергей. Наверно кто-то уедет на следующем «Солженицыне». Ходили слухи, что составлен второй список.

«Интересно, буду я в третьем, и будет ли третий? — подумал он.

Он обернулся. За спиной уже не было ни серых костюмов, ни собак, ни спортивных курток.

Мероприятие благополучно завершалось.

Теплоход медленно отодвигался от пристани.

Возле Сережи стояла Варина дочка и махала ладошкой.

Ленин был бы вполне доволен.

Достоевский отливает пули

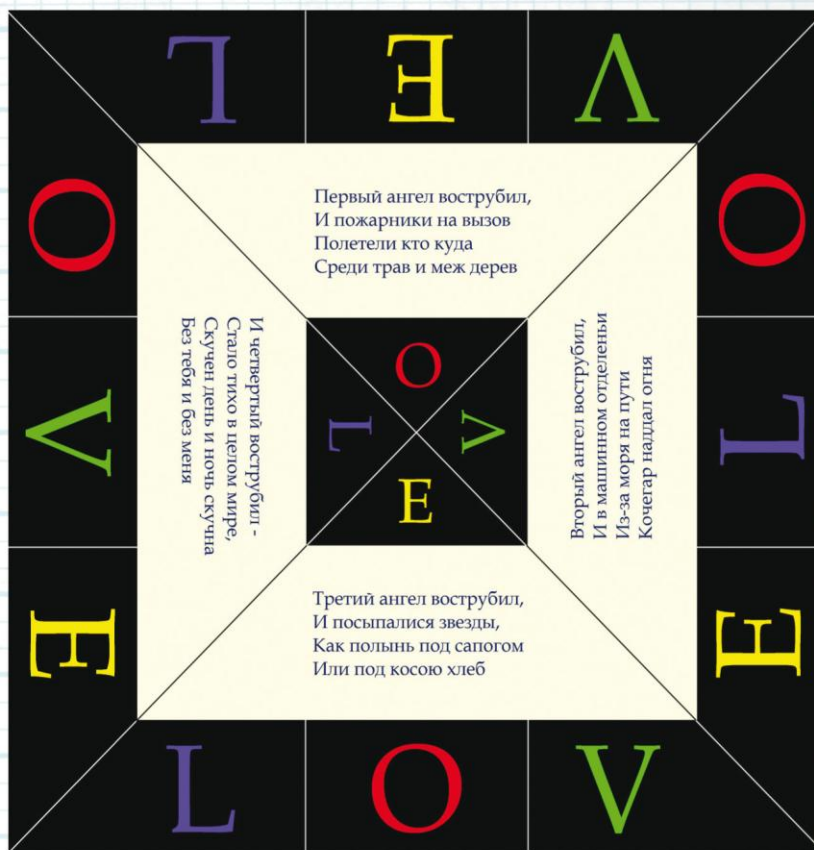
Сидней, Австралия

Одной из самых популярных карточных игр с середины XIX века и до наших дней является преферанс, поэтому мы размышляли на тему преферанса в литературе, литературы о преферансе и по преферансу... И, конечно, расписали пулю. Пуля универсальна. Она изображает структуру мира и каждой его части. Художественное произведение в жанре пули практически ничем не ограничено, определяется ее космическим смыслом и может быть картиной, музыкальной пьесой, стихотворением или рассказом.

Гибкость структуры пули замечательна, и ее поэтика универсальна. Ее центр, называемый «договор», заключает в себе Великий Предел, схождение, стягивание сюжетной и стилистической динамики ее периферии в своем согласительном притяжении. Вокруг договора расположились четыре имени, четыре знака, фактически тетраграмматон. Гора, подводящая к договору, символизирует трудности и труд, в то время как пояс вистов, где каждая сторона связана с остальными тремя, — взаимопроникновение всего и вся в борьбе, но и в единении. Поэтому-то искусству предстоит освоить эту богатейшую форму, придерживаясь ее духа и структуры и стремясь выразить: перекличку всех четырех сторон (желательно каждой с каждой), восхождение в гору, таинство имени и знака (архетип тетраграмматона), схождение к центру, договор, лад, Великий Предел.

Проект полностью:
www.vlaskine.net/rstpulya.html

Всеволод Власкин

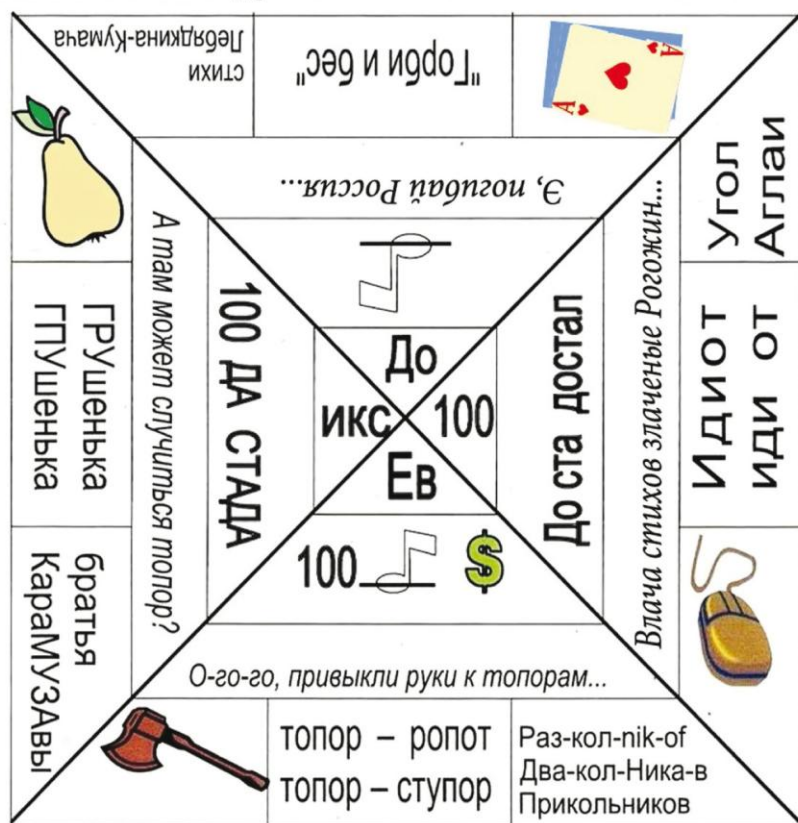

Татьяна Бонч-Осмоловская

В России к игре присоединились –

Константин Кедров

«...играла Настасья Филипповна каждый вечер с Рогожиным в дураки, в преферанс... потому что Настасья Филипповна все жаловалась, что скучно, и что Рогожин сидит целые вечера, молчит и говорить ни о чем не умеет, и часто плакала; и вдруг на другой вечер Рогожин вынимает из кармана карты; тут Настасья Филипповна рассмеялась, и стали играть».

Достоевский FM «Идиот»

Татьяна Зоммер

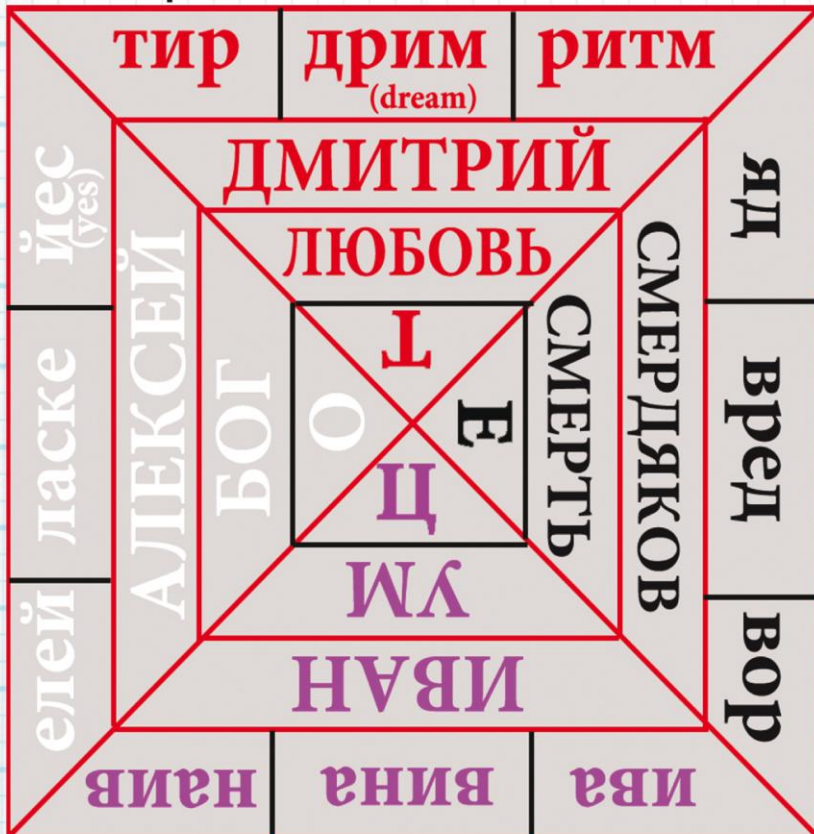
ДООС – Зоммерзавр

переход из одной личности
в другую
происходит как выстрел
когда вдруг захочешь
так явно
убить хотя бы словами
хоть жестом
того кто так присосался
и пьет кровь
из твоей предыдущей
личностной жизни-шеи...

звук поворачиваемой шеи
крутится барабан револьвера
выстрел в десятку обеспечен
кто будет на этот раз
из субличностей ближе
тебе неизвестен

мне больше нравится
игра в рулетку
когда даже не знаешь
что из тебя выскочит
железный орел
или мягкая решка
непротивления
на-встречу чьему-то
заряженному
пистолету...

Елена Кацюба

Библионочь 20 апреля 2012 г.

ДООСы в библиотеке «Дом А.Ф.Лосева»
на Арбате. Инсталляция Маргариты Аль
«Люди-книги».

Денис Безносков,
Игорь Дудинский,
Ольга Адрова.

Елена Кацюба,
Константин Кедров,
Маргарита Аль.

Более 200 тыс. наименований книг

Электронные книги и ридеры

Антиквариат и предметы
коллекционирования

Фильмы, музыка, игры, софт

Канцелярские и офисные товары

VIP - обслуживание

Услуги по формированию
библиотек и коллекций

Доставка книг из-за рубежа

Читательские клубы по интересам

Подарочные карты

Интернет-магазин www.bgshop.ru

Услуги туроператора
«Библио-Глобус» www.bgoperator.ru

Билеты в театры, на концерты

Детский клуб «Библиоша»

БИБЛИО-ГЛОБУС

55 лет

Ваш Главный Книжный

БИБЛИО-ГЛОБУС